Часть первая

Учебник-хрестоматия

ЛИТЕРАТУРА

7

класс

ДРОФА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Учебник-хрестоматия для учащихся 7 класса входит в линию учебников, создаваемых по единой программе для 5—11 классов, составленной Т. Ф. Курдюмовой. Для каждого класса будут выпущены учебник или учебник-хрестоматия для учащихся и методическое пособие для учителя.

Программа и создаваемые учебные книги направлены на воспитание ученика как образованного и вдумчивого читателя, способного понять художественную ценность произведений, определить их место в историко-литературном процессе.

В учебнике-хрестоматии «Литература. 7 класс» раскрывается жанровая структура литературных произведений, приводятся сведения об истории развития некоторых жанров.

- Литература. 7 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 1
  - Роды и жанры художественной литературы
  - Фольклор
    -
    - Жанры фольклора
    - Барин. Сатирическая драма. В сокращении
    - Детский фольклор
      -
      - Из детских семейных рассказов
  - Литература эпохи Возрождения
    -
    - Мир и человек в эпоху Возрождения
    - Уильям Шекспир
      -
      - Ромео и Джульетта. В сокращении
        -
        - Пролог
        - Акт второй
      - Сонеты Шекспира
  - Литература XIX века
    -
    - Жанры классической литературы XIX века
    - Из истории басни
      -
      - Эзоп (VI–V вв. до н. э.)
      - Жан де Лафонтен (1621–1695)
      - Василий Кириллович Тредиаковский

(1703–1768)
- Александр Петрович Сумароков (1717–1777)
- Иван Андреевич Крылов (1769–1844)

- Василий Андреевич Жуковский
  -
  - Светлана
  - Перчатка
- Из истории баллады
- Александр Сергеевич Пушкин
  -
  - Элегия
  - К портрету Жуковского
  - Певец
  - 19 октября
  - Туча
  - К ***
  - Я вас любил: любовь еще, быть может…
  - На перевод «Илиады»
  - Стансы
  - Друзьям
  - Моя эпитафия
  - Барышня-крестьянка
    -
  - Дубровский. В сокращении
    -
    - Том первый
      - Глава I
      - Глава II
      - Глава III
      - Глава IV
- Из истории романа
- Михаил Юрьевич Лермонтов
  -
  - Смерть Поэта
  - Элегия
  - Романс
  - Песня
  - Стансы
  - Нет, я не Байрон, я другой…
  - Новогодние мадригалы и эпиграммы
  - Эпитафия
  - Мцыри[63]
- Из истории поэмы

- Лироэпические произведения
- Николай Васильевич Гоголь
  -
  - Ревизор
    -
    - Действие первое
    - Действие второе
    - Действие третье
    - Действие четвертое
    - Действие пятое
    - Немая сцена
- Иван Сергеевич Тургенев
  -
  - Стихотворения в прозе
    - Собака
    - Дурак
    - Воробей
    - Русский язык
- Николай Алексеевич Некрасов
  -
  - Размышления у парадного подъезда
- Николай Семенович Лесков
  -
  - Левша. Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе. В сокращении

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106

- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141

Литература. 7 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 1 (Автор-составитель Т. Ф. Курдюмова)

Роды и жанры художественной литературы

Искусство далекой древности было синкретическим[1], в нем соединялись, сливались воедино движение (пляска), слово (пение), звук (музыка), цвет (изобразительное начало). Шло время, и возникли самостоятельные виды творческой деятельности человека: балет и опера, театр, живопись и архитектура, литература.

Говоря об искусстве слова, нельзя не увидеть, что мир художественной литературы разнообразен. Трудно охватить все его богатство. Многие виды художественных произведений вам хорошо знакомы. Это сказка и рассказ, песня и загадка, повесть и басня…

Назвав произведение сказкой, мы определили его жанр. Зачем же нужно введение нового термина, если мы в данном случае говорим о виде литературного произведения? Вид – слово знакомое, им пользуются в самых разных областях знаний (например, в зоологии есть виды хищных животных). Однако в искусстве для обозначения разных видов художественных произведений введен специальный термин. Жанр – определенный вид произведений искусства. Жанры существуют в литературе, изобразительном искусстве, музыке.

Каждый из нас, даже ничего не зная о жанрах, никогда не примет стихотворение за пьесу. Наверное, всем ясно, что отличает, например, сказку от пословицы. Это и размер произведения, и способ отражать окружающую жизнь: в сказке есть события и герои, а в пословице лишь афористическое суждение. Вы можете назвать и другие признаки этих жанров. В литературе веками складывались признаки, позволяющие отличить произведения одного жанра от другого.

Жанры литературы объединены в три большие группы, которые называются родами литературы. **Основные роды художественной литературы – эпос, лирика** и **драма.** Каждое художественное произведение мы относим к одному из этих трех родов.

Произведения, которые повествуют о событиях, называются эпическими. Жанры эпических произведений – это знакомые вам рассказ, повесть, роман, сказка.

Произведения, которые отражают жизнь, передавая чувства и мысли автора, называются лирическими.

Жанры лирических произведений чрезвычайно

многочисленны: послание, эпиграмма, элегия, мадригал, эпитафия и др.

Произведения, которые предназначены для постановки на сцене, называются драматическими. Среди этих жанров знакомая вам комедия, а также трагедия, драма.

Существуют жанры, которые объединяют в себе признаки и эпического и лирического произведений. Такие произведения мы называем лироэпическими. **В лироэпических произведениях есть и описание событий, и выражение чувств автора.** К ним можно отнести поэму, балладу, иногда к ним относят и басню.

Различна судьба жанров в истории литературы. Одни живут очень долго, другие только что появились, а век некоторых жанров уже завершен. В этом учебном году вы не только познакомитесь с особенностями давно знакомых жанров, но и встретитесь с некоторыми новыми жанрами и проследите за историей жанров, которым удалось прожить в литературе долгую жизнь.

Вопросы и задания

▸**1.** Попробуйте объяснить, что объединяет произведения, помещенные в каждом из столбцов.

повесть	эпиграмма	комедия
рассказ	послание	драма
былина	песня	водевиль
сказка	элегия	трагедия
роман	сатира	мелодрама

▸▸▸**1.** В соответствующие столбцы предыдущего задания внесите понятия: *легенда, идиллия, сказание, романс, дума, очерк, гимн, ода, анекдот, канцона.* Объяснения неизвестных терминов найдите в словаре литературоведческих терминов.

2. В чем вы видите различия произведений эпических, лирических и драматических жанров?

Фольклор

Народная драма. Детский фольклор.

Жанры фольклора

Устное народное творчество предшествовало литературе. Все произведения фольклора существовали только в устной передаче, и это во многом определяло жанровые особенности фольклорных произведений, их композицию, приемы исполнения.

Уходят в далекое прошлое корни былин и сказаний, легенд и сказок. Давно уже нет ни сказителей, ни бахарей. Прошло более столетия с того момента, когда ученые-фольклористы стали записывать устные произведения. Эти записи бережно хранятся в научных изданиях, в обработанном виде они знакомы вам по сборникам легенд, былин, сказок, загадок, пословиц и других произведений народного творчества.

Сейчас вы читаете фольклорные тексты, которые столетия назад передавались от одного рассказчика к другому в устной форме.

Фольклор часто воспринимается как память о прошлом, как что-то давно ушедшее из нашей жизни. Конечно, древность его появления бесспорна. Но бесспорно также и то, что устное народное творчество живо, и доказательство тому – появление

новых жанров. Наверное, вам не нужно долго размышлять над тем, какой жанр фольклора – былина или частушка – появился на свет раньше. Даже первое чтение убеждает, что это произведения разных эпох. Действительно, частушка появилась относительно недавно, окончательно оформившись в конце XIX века. Значит, нужно говорить, что фольклор, возникнув как явление искусства в древности, жил и обогащался новыми произведениями и новыми жанрами в разные времена.

Былина – не самый популярный сегодня жанр фольклора. Современный читатель (а не только слушатель!) изо всего богатства произведений фольклора выбирает сказку, пользуется богатейшим набором пословиц и поговорок, развлекается загадками, использует жанр песни, активно откликается на частушки и анекдоты…

Народная драма вновь возродилась в кукольных театрах, а приемы изображения жизни героев с успехом используются в мультипликации. Кроме веселых кукольных представлений с озорным героем, народный театр знал героические и исторические пьесы, а также сатирические драмы.

Познакомьтесь с сатирической драмой «Барин», записанной в селе Тамица Онежского уезда Архангельской губернии в 1905 году. Читая текст, подумайте, можно ли считать это произведение и пьесой, и игрой одновременно.

Барин. *Сатирическая драма. В сокращении*

Действующие лица

Барин, в красной рубахе и пиджаке; на плечах соломенные эполеты; на голове соломенная шляпа с вырезанными фигурками из бумаги; в руках трость, украшенная фигурками из бумаги. У барина большое брюхо и пиджак не застегнут на пуговицы.

Откупщик, на плечах армяк, в руках погонялка, на голове шапка…

Панья, кумачник – красный сарафан, белая рубаха и белый передник, пояс двоерядный, шелковый; на голове «перевязка» с лентами, в руках – веер и платок.

Конь, человек, к нему подделан хвост из соломы.

Удивительные люди: полдесятка или семеряга парнишек лет по двенадцати; лица в саже.

Бык, особенно не одевается, а подсунется из фофанцев (ряженых участников игры).

Просители, обыкновенно фофанцы из публики.

Начинается игра так: подходят играющие к дому, где происходит, например, вечеринка. Отворяют дверь, и первый вбегает в избу **Конь** и хлыщет публику погонялкой; все находящиеся в избе становятся на лавки, часть залезает на полати, и, таким образом, изба становится свободной для действий. За **Конем** в избу входит и вся компания и идут с песнями в передний угол; перед ними несут фонарь. В переднем углу **Барин** становится лицом к народу, рядом с ним по одну руку **Панья**, по другую – **Откупщик**. Народ и фофанцы (ряженые) с улицы входят за играющими и становятся по всей избе.

Барин.

Хозяин, хозяюшка,
Наместник, наместница,
Добрые молодцы,
Красные девицы,
Здравствуйте!

Все (*отвечают*). Здравствуй, здравствуй, господин барин, здравствуй!

Барин.

Хозяин, хозяюшка,
Наместник, наместница,
Добрые молодцы,
Красные девушки,
Нет ли у вас промежду собой просеб каких?

Все. Есть, есть.
Барин. Подходите, подходите!

Кто-нибудь из фофанцев подходит, изображая просителя.

Проситель. Господин барин, прими мою просьбу.
Барин. Ты кто?
Проситель (*называется вымышленным именем, именем какого-нибудь парня в селе*). Владимир Воронин.
Барин. Об чем просишь?
Проситель. На Парасковью прошу: по летам Парашка любит меня, а по зимам другого парня – Василья.
Барин. А подойди-ко, Парасковья, сюды. Пошто же это ты двух сразу любишь?

Парасковья – также настоящее имя какой-нибудь девицы на селе. Вместо нее на зов **Барин** а подходит кто-нибудь из фофанцев и начинает спорить и ругаться с просителем. Говорят кто что вздумает… **Барин** и **Откупщик** советуются вслух, кто из судящихся виновен и кого наказать: парня или девку; признают виновной, например, девицу. **Барин** говорит: «Давай-ко, Парасковья, приваливайся-ко спиной-то!» **Парасковья** подчиняется решению суда и подставляет спину. **Откупщик** наказывает ее плетью. За первым просителем является другой и выкладывает еще какую-нибудь просьбу про соседа, про жену и прочее. В основание просьб кладется обыкновенно какой-нибудь действительно существующий в селе факт, который, конечно, преувеличивается, доводится до смешного, до абсурда, и, таким образом, суд является сатирой на местную жизнь и нравы, иногда очень злой, порой жестокой. Когда просителей больше нет и все просьбы рассмотрены, приведены решения суда и исполнены приговоры, начинается продажа коня.

Барин. Купчинушка, нет ли коня продать?
Откупщик. Есть, есть.

Приводят **Коня**. **Барин** водит **Коня** по избе, смотрит, как он

бегает, смотрит в зубы, тычет под бока, заставляет прыгать через палку и надумывает купить.

Барин. Сколько за коня хошь?
Откупщик.

Сто рублей деньгами,
Сорок сорокушек
Соленых……
Сорок анбаров
Мороженых тараканов,
Аршин масла,
Кислого молока три пасма,
Михалка Тамицына нос,
Нашей Кожарихи хвост.

Барин.

Сто рублей найду у себя в кармане,
А сорок сорокушек
Соленых……
Сорок анбаров
Сухих тараканов
Взыщете ли, миряне?

Все. Взыщем, взыщем.

Барин отдает деньги и берет Коня.
(Далее Барин покупает быка и Удивительных людей.)
Вся компания уходит на другую вечеринку, которых в вечер обходят три или четыре.

Вопросы и задания

1. Почему эту пьесу-игру фольклористы назвали сатирической драмой?

2. Опишите главных героев представления, их внешность, характеры.

3. Попробуйте включиться в игру: выступите в роли «фофанцев» и придумайте шуточные обвинения против одного из участников игры. Им может быть любой ученик вашего класса: ведь суть игры в том, чтобы в нее

включались знакомые участники со знакомыми всем проблемами.

⏩**1.** Решите, чего в этой пьесе больше – сценического представления или игры.

Детский фольклор

Вы с раннего возраста знакомитесь с произведениями детского фольклора. Это считалки, дразнилки, небылицы, страшилки, семейные рассказы и многое другое.

Детский фольклор – произведения устного народного творчества, созданные детьми и для детей.

Из детских семейных рассказов

Происхождение фамилии

У нас в семье хранятся старые документы. Среди них есть документ, из которого нам известно, что в начале девятнадцатого века мои предки жили в Смоленской губернии в деревне, которая называлась Ракиты, и были крестьянами. Деревня называлась так потому, что она находилась в месте, где было много небольших речек и прудов, по берегам которых росло очень много красивых деревьев, которые назывались ракитами. У этих деревьев ветки склоняются до самой воды, образуя густую зеленую стену. Все жители деревни имели одну и ту же фамилию – Ракитины – по названию деревни. Поэтому по фамилии они друг друга не называли, а называли только по именам. Лентяев называли только по имени – Прошка, Афонька и т. д., а трудолюбивых людей и стариков называли уважительно по имени и отчеству. И все всегда знали, о ком идет разговор.

Детские проделки

Раньше пуговиц почти не было, а те, которые продавались, были очень дорогие. Бабушка брала пятаки, обшивала их тканью, и пришивала вместо пуговиц. А мама со своей сестрой отрывали эти «пуговицы», доставали пятачки и ходили на них в кино.

Вопросы и задания

1. Почему мама рассказала дочери о таком способе добывать деньги на билеты в кино?

2. Припомните забавные случаи, связанные с бабушками и дедушками в вашей семье.

Рано утром, вечерком,
В полдень, на рассвете
Баба ехала верхом в расписной карете.

А за нею во всю прыть,
Тихими шагами,
Волк старался переплыть
Миску с пирогами.

Эту небылицу впервые записали еще в XIX веке, в 1863 году. Но и сейчас ребята создают подобные произведения. Припомните, возможно, и вы сочиняли что-то подобное.

Та часть речи,
Которая упала с печи,
Ударилась о пол —
Называется «глагол».

Дано: Саша лезет в окно.
Допустим: мы его не пустим.
Требуется доказать: как он будет вылезать.

Короткие шуточные произведения, которые мы вам напомнили, – лишь часть школьного фольклора, который создают ваши ровесники.

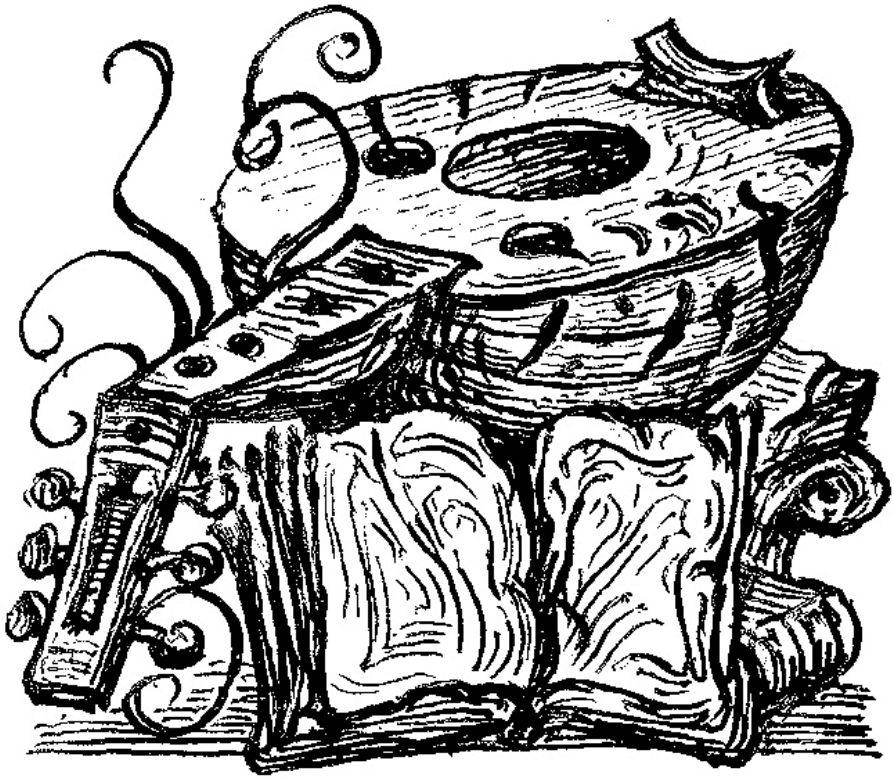
Вопросы и задания

▸**1.** Вспомните известные вам жанры детского фольклора.

Приведите примеры.

⏩**1.** Проведите в классе конкурс детского фольклора – произведений, созданных самими учащимися.

Литература эпохи Возрождения



Трагедия.

Мир и человек в эпоху Возрождения

Возрождение, или Ренессанс (итальянское наименование), в истории культуры и идейном развитии стран Европы охватывает XIV – начало XVII века. Это эпоха перехода от Средневековья к Новому времени, переломное значение которой состоит в утверждении красоты и гармонии действительности, вере в творческие возможности человека и силу его разума.

Безграничная вера в самоценность личности была основой учения мыслителей эпохи Возрождения, поэтому их стали называть гуманистами (от лат. homo – человек). Однако каждый человек наделен не только разумом, но и чувствами (страстями). Этим объясняется их стремление к реалистическому познанию человека и мира.

Эпоха Возрождения дала миру огромное число титанов мысли: ученых, художников, писателей. Среди них особое место принадлежит У. Шекспиру.

Уильям Шекспир (1564–1616)

Великий английский драматург и поэт, появившийся на закате эпохи Возрождения, и сейчас – один из самых прославленных писателей. Он автор трагедий, исторических хроник, комедий и лирических произведений (сонетов). Мир, созданный этим автором, огромен: в нем срок и ход человеческой жизни отмеряется по часам исторического времени, исторические события тесно связаны с судьбой человека.

Документально подтвержденных свидетельств о жизни Уильяма Шекспира сохранилось чрезвычайно мало. Биография писателя до сих пор – загадка для ученых. Скудность достоверных фактов о Шекспире породила множество биографических легенд. Человек, давший лицо своему времени, написавший галерею современных ему человеческих типов, сам остался в тени. Исследователи литературы предлагают нам, читателям, не менее тридцати имен тех, кого можно считать создателями пьес Шекспира. Но эти скрупулезные многолетние поиски – еще одно подтверждение значимости его творчества.

Читатели и зрители многих поколений становятся преданными поклонниками таланта этого автора. Однако Европа открыла Шекспира лишь в XVIII веке: в 30-х годах его узнает и делает известным во Франции Вольтер, а в начале 70-х годов в Германии, в частности, Гёте открывает его для себя и для последующей романтической эпохи. Так Шекспир входит в европейскую культуру, воплощая идеалы «универсального гения», делая возможным новый взгляд на историю, которая в его пьесах впервые предстает как всемирная история человечества.

Если Гамлет и Отелло, король Лир и Макбет – герои поздних трагедий Шекспира, то Ромео и Джульетта – юные герои самой первой трагедии, написанной им. Вражда двух семейств и любовь детей из враждующих домов сошлись в пьесе, названной их именами – «Ромео и Джульетта». В финале они погибают, побеждая вражду любовью, поскольку не изменили ни ей, ни себе.

Трагедия – это пьеса, в которой происходит резкое столкновение личности с другими людьми или обстоятельствами, ведущее к гибели героя.

Ромео и Джульетта. *В сокращении* (*Перевод Б. Л. Пастернака*)

Действующие лица

Эскал, князь веронский.
Граф Парис, молодой человек, родственник князя.
Монтекки, Капулетти – главы двух враждующих домов.
Дядя Капулетти.
Ромео, сын Монтекки.
Меркуцио, родственник князя, друг Ромео.
Бенволио, племянник Монтекки, друг Ромео.
Тибальт, племянник леди Капулетти.
Брат Лоренцо, Брат Джованни – францисканские монахи.
Балтазар, слуга Ромео.
Самсон, Грегорио – слуги Капулетти.
Петр, слуга кормилицы.
Абрам, слуга Монтекки.
Аптекарь.
Три музыканта.
Паж Париса.
Первый горожанин.
Леди Монтекки, жена Монтекки.
Леди Капулетти, жена Капулетти.
Джульетта, дочь Капулетти.
Кормилица Джульетты.
Горожане Вероны, мужская и женская родня обоих домов, **ряженые, стража, слуги**. **Хор**.

Место действия – Верона и Мантуя.

Пролог

Входит **хор**.

Хор

Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречают нас событья,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья.
Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладет конец непримиримой розни.
Их жизнь, любовь и смерть и, сверх того,

Мир их родителей на их могиле
На два часа составят существо
Разыгрываемой пред вами были.
Помилостивей к слабостям пера —
Их сгладить постарается игра.
<…>

Акт второй

Сцена вторая

Сад Капулетти

Входит **Ромео**.

Ромео

Им по незнанью эта боль смешна.
Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна, убей луну соседством;
Она и так от зависти больна,
Что ты ее затмила белизною.

На балконе показывается **Джульетта**.

Оставь служить богине чистоты.
Плат девственницы жалок и невзрачен.
Он не к лицу тебе. Сними его.
О милая! О жизнь моя! О радость!
Стоит, сама не зная, кто она.
Губами шевелит, но слов не слышно.
Пустое, существует взглядов речь!
О, как я глуп! С ней говорят другие.
Две самых ярких звездочки, спеша
По делу с неба отлучиться, просят
Ее глаза покамест посверкать.
Ах, если бы глаза ее на деле
Переместились на небесный свод!
При их сияньи птицы бы запели,
Приняв ночь за солнечный восход.
Стоит одна, прижав ладонь к щеке.

О чем она задумалась украдкой?
О быть бы на ее руке перчаткой,
Перчаткой на ее руке!

Джульетта

О, горе мне!

Ромео

Проговорила что-то. Светлый ангел,
Во мраке над моею головой
Ты реешь, как крылатый вестник неба
Вверху, на недоступной высоте,
Над изумленною толпой народа,
Которая следит за ним с земли.

Джульетта

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца да имя измени,
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

Ромео

Прислушиваться дальше иль ответить?

Джульетта

Лишь это имя мне желает зла.
Ты б был собой, не будучи Монтекки.
Что есть Монтекки? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше нет других имен?
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!

Ромео

О, по рукам! Теперь я твой избранник!
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.

Джульетта

Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

Ромео

Не смею.
Назвать себя по имени. Оно
Благодаря тебе, мне ненавистно.
Когда б оно попалось мне в письме,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.

Джульетта

Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?

Ромео

Ни тот, ни этот: имена запретны.

Джульетта

Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда б тебя нашли мои родные.

Ромео

Меня перенесла сюда любовь,

Ее не останавливают стены,
В нужде она решается на все,
И потому – что мне твои родные!

Джульетта

Они тебя увидят и убьют.

Ромео

Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.
Взгляни с балкона дружелюбней вниз,
И это будет мне от них кольчугой.

Джульетта

Не попадись им только на глаза!

Ромео

Меня плащом укроет ночь. Была бы
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.

Джульетта

Кто показал тебе сюда дорогу?

Ромео

Ее нашла любовь. Я не моряк,
Но если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы, не страшась,
Пустился в море за таким товаром.

Джульетта

Мое лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,

Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличье,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Пренебрегает клятвами любви.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковерной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатленье
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться,
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц.
Мне б следовало сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за легкость и доступность.

Ромео

Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев…

Джульетта

О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся, – это путь к изменам.

Ромео

Так чем мне клясться?

Джульетта

Не клянись ничем.
Или клянись собой, как высшим благом,
Которого достаточно для клятв.

Ромео

Клянусь, мой друг, когда бы это сердце…

Джульетта

Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Все слишком второпях и сгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».
Спокойной ночи! Эта почка счастья
Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.

Ромео

Но как оставить мне тебя так скоро?

Джульетта

А что прибавить к нашему сгово́ру?

Ромео

Я клятву дал. Теперь клянись и ты.

Джульетта

Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.

Ромео

Ты б эту клятву взять назад хотела?

Джульетта

Да, для того, чтоб дать ее опять.
Мне не подвластно то, чем я владею.
Моя любовь без дна, а доброта —
Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежней и богаче.

Голос кормилицы за сценой

Меня зовут. Я ухожу. Прощай. —
Иду, иду! – Прости, не забывай.
Я, может быть, вернусь еще. Постой-ка.

(*Уходит*)

Ромео

Святая ночь, святая ночь! А вдруг
Все это сон? Так непомерно счастье,
Так сказочно и чудно это все!

На балкон возвращается **Джульетта**.

Джульетта

Еще два слова. Если ты, Ромео,
Решил на мне жениться не шутя,
Дай завтра знать, когда и где венчанье.
С утра к тебе придет мой человек
Узнать на этот счет твое решенье.
Я все добро сложу к твоим ногам
И за тобой последую повсюду.

Кормилица (*за сценой*)

Голубушка!

Джульетта

Иду! Сию минуту! —
А если у тебя в уме обман,
Тогда, тогда…

Кормилица (*за сценой*)

Голубушка!

Джульетта

Немедля
Оставь меня и больше не ходи.
Я завтра справлюсь.

Ромео

Я клянусь спасеньем…

Джульетта

Сто тысяч раз прощай.

(*Уходит*)

Ромео

Сто тысяч раз
Вздохну с тоской вдали от милых глаз.
К подругам мы – как школьники домой,
А от подруг – как с сумкой в класс зимой.

(*Направляется к выходу*)

На балкон возвращается **Джульетта**.

Джульетта

Ромео, где ты? Дудочку бы мне,
Чтоб эту птичку приманить обратно!
Но я в неволе, мне кричать нельзя,
А то б я эхо довела до хрипа
Немолчным повтореньем этих слов:
Ромео, где ты? Где же ты, Ромео?

Ромео

Моя душа зовет меня опять.
Как звонки ночью голоса влюбленных!

Джульетта

Ромео!

Ромео

Милая!

Джульетта

В каком часу
Послать мне завтра за ответом?

Ромео

В девять.

Джульетта

До этого ведь целых двадцать лет!
Мученье ждать… Что я сказать хотела?

Ромео

Припомни, я покамест постою.

Джульетта

Постой, покамест я опять забуду,
Чтоб только удержать тебя опять.

Ромео

Припоминай и забывай, покуда,
Себя не помня, буду я стоять.

Джульетта

Почти рассвет. Пора тебе исчезнуть.
А как, скажи, расстаться мне с тобой?
Ты, как ручная птичка щеголихи,
Привязанная ниткою к руке.
Ей то дают взлететь на весь подвесок,
То тащат вниз на шелковом шнурке.
Вот так и мы с тобой.

Ромео

Мне б так хотелось
Той птицей быть!

Джульетта

О, этого и я
Хотела бы, но я бы умертвила
Тебя своими ласками. Прощай!
Прощай, прощай, а разойтись нет мочи!
Так и твердить бы век: «Спокойной ночи».

(*Уходит*)

Ромео

Прощай! Спокойный сон к тебе приди
И сладкий мир разлей в твоей груди!
А я к духовнику отправлюсь в келью
Поговорить о радости и деле.

(*Уходит*)
<…>

Сцена третья

Кладбище. Гробница семьи Капулетти.
<…>

Князь

Сдержите горестные восклицанья,
Пока не разъяснили этих тайн.
Когда я буду знать их смысл и корень,
То я, как предводитель ваших бед,
Не буду вас удерживать от смерти.
Пока пусть пострадавшие молчат.
Где эти подозрительные лица?

Брат Лоренцо

Хоть без вины, как будто главный я.
Так говорят, на первый взгляд, улики.
Итак, я тут стою в двойном лице —
Как обвиняемый и обвинитель,
Чтоб осудить себя и оправдать.

Князь

Рассказывай, что ты об этом знаешь.

Брат Лоренцо

Я буду краток, коротко и так
Для длинной повести мое дыханье.
Простертый на земле Ромео – муж
Джульетты, и она – жена Ромео.
Я тайно их венчал, и в этот день
Убит Тибальт, и смерть его – причина
Изгнанья новобрачного. О нем,
А не о брате плакала Джульетта.
Тогда для прекращенья этих слез
Вы ей велели выйти за Париса.
Она пришла ко мне, чтоб я помог
Избавиться ей от второго брака,
А то б она покончила с собой.
Я, пользуясь познаньями своими,
Дал ей снотворное. Как я и ждал,

Она уснула сном, подобным смерти,
А я Ромео написал письмо,
Чтоб он за ней приехал этой ночью,
Когда ослабнет действие питья,
И взял с собой. К несчастью, брат Джованни,
Посыльный мой, не мог отвезть письма
И мне его вернул, застряв в Вероне.
Тогда за бедной узницей, к поре,
Когда она должна была очнуться,
Пошел я сам и думал приютить
Ее, до вызова Ромео, в келье.
Однако же, когда я к ней вошел
За несколько минут до пробужденья,
Я тут уж натолкнулся на тела
Погибшего Париса и Ромео.
Но вот она встает. Я, как могу,
Зову ее с собой и убеждаю
Смириться пред судьбой, но шум извне
Меня внезапно вынуждает скрыться.
Она не пожелала уходить
И, видимо, покончила с собою.
Вот все, что знаю я. Их тайный брак
Известен няне. Если в происшедшем
Я виноват хоть сколько, пусть мой век
Укоротят в угоду правосудью
За несколько часов перед концом.

Князь

Мы праведным всегда тебя считали.
Слуга Ромео, что ты скажешь нам?

Балтазар

Я свез Ромео весть про смерть Джульетты,
И мы пустились вскачь на лошадях
Из Мантуи сюда, к ограде склепа.
Он дал письмо для своего отца,
Которое при мне, и под угрозой
Велел его оставить одного.

Князь

Дай мне письмо. Посмотрим содержанье.
Где графов паж, позвавший караул? —
Что делал господин твой в этом месте?

Паж

Он возлагал цветы на гроб жены
И приказал мне отойти подальше.
Вдруг входит кто-то с факелом в руках,
И господин выхватывает шпагу.
Тут я за стражею и побежал.

Князь

В письме подтверждены слова монаха.
Рассказывая, как он встретил весть
Про смерть жены, Ромео прибавляет,
Что добыл яду в лавке бедняка,
Чтоб отравиться в склепе у Джульетты.
Где вы, непримиримые враги,
И спор ваш, Капулетти и Монтекки?
Какой для ненавистников урок,
Что небо убивает вас любовью!
И я двух родственников потерял
За то, что потакал вам. Всем досталось.

Капулетти

Монтекки, руку дай тебе пожму.
Лишь этим возмести мне вдовью долю
Джульетты.

Монтекки

За нее я больше дам.
Я памятник ей в золоте воздвигну.
Пока Вероной город наш зовут,
Стоять в нем будет лучшая из статуй
Джульетты, верность сохранившей свято.

Капулетти

А рядом изваяньем золотым
Ромео по достоинству почтим.

Князь

Сближенье ваше сумраком объято.
Сквозь толщу туч не кажет солнце глаз.
Пойдем, обсудим сообща утраты
И обвиним иль оправдаем вас.
Но повесть о Ромео и Джульетте
Останется печальнейшей на свете…

(*Уходят*)

Вопросы и задания

▶**1.** Прочитайте трагедию целиком. Какой представляется вам эпоха, описанная в этой трагедии? Как складывались отношения людей в эту эпоху?

2. Прочитайте сцену, которую вы считаете завязкой, и ту, в которой видите развязку пьесы.

3. Какие сцены относятся к кульминации?

4. Есть ли в этой пьесе пролог и эпилог?

▶▶**1.** Назовите слова, которые доносят до современного читателя колорит эпохи (см. перевод Б. Пастернака). Создайте краткий толковый словарик из этих слов.

2. Какие художественные приемы используются в речи юных героев?

3. Как реплики юной героини помогают представить ее облик?

4. Какой стиль речи целесообразней всего использовать при пересказе трагедии «Ромео и Джульетта»?

▶▶▶**1.** Какую роль в стремительном развитии сюжета играют характеры героев, какую – случаи и обстоятельства?

2. Кто из героев трагедии – Ромео или Джульетта – превосходит другого в силе чувства и преданности своему избраннику? Видите ли вы эту разницу?

3. Охарактеризуйте одного из героев, предварительно подготовив план своего рассказа.

4. Достоинства или недостатки юных героев лежат в основе трагических событий их судьбы?

5. Назовите важнейшие признаки, которые дают основание считать «Ромео и Джульетту» трагедией.

6. Назовите трагедии Шекспира. Какие герои этих трагедий вошли в список имен, знакомых всему миру?

7. Какие пьесы Шекспира идут и сейчас на сценах нашей страны и появляются на экранах телевидения?

Сонеты Шекспира

Шекспир не только драматург, но и поэт. Яркость красок его поэтической палитры позволяет читателю проникнуть в мысли и чувства автора, высокий строй которых никого не может оставить равнодушным. Поэтическая виртуозность Шекспира потрясает еще и тем, что каждое его стихотворение – это сонет. Такая форма стиха имеет жесткие рамки. Основные требования состоят в следующем: в произведении должно быть 14 строчек, четко разделенных на строфы с определенной рифмовкой.

«Шекспировский сонет» состоит из трех катренов и заключительного рифмующегося двустишья.

Сонет 130
(*Перевод С. Я. Маршака*)

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской[2] розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежной лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий.
Особенного света на челе,
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.
И все ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

Вопросы и задания

▸**1.** Каким вы представили себе облик героини, прочитав сонет?

2. Почему поэт спорит с привычным представлением о красоте? Согласны ли вы с его доводами? В чем он прав, а в чем, как вам кажется, ошибается?

3. Какие канонические требования соблюдены в сонете № 130?

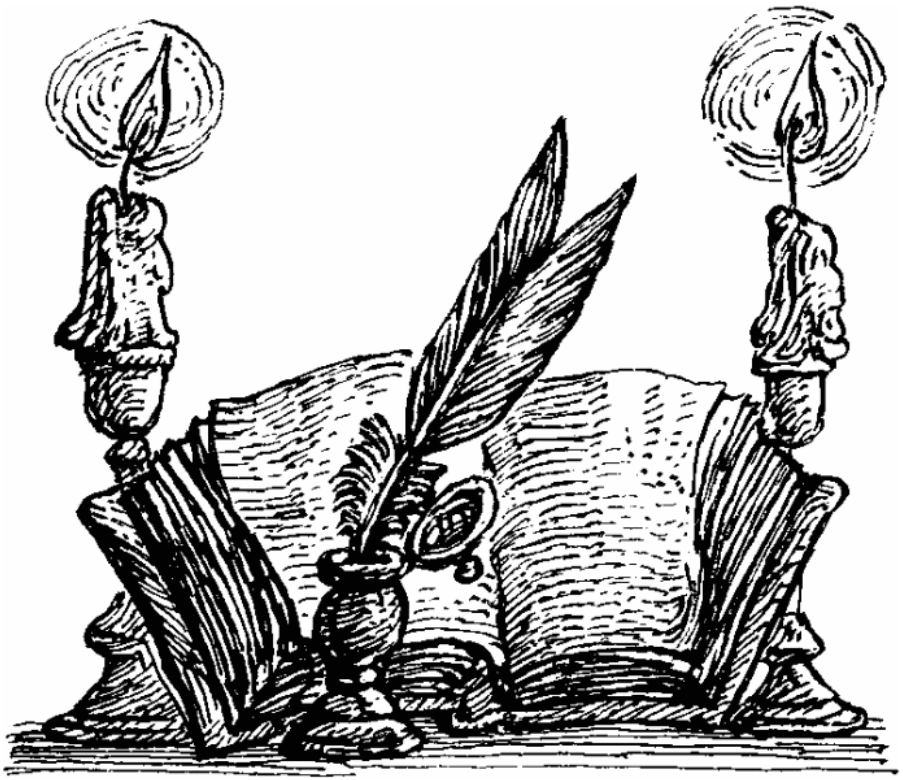
▸▸**1.** Каким стихотворным размером С. Маршак перевел этот сонет?

2. Какие художественные приемы помогают представить героиню сонета?

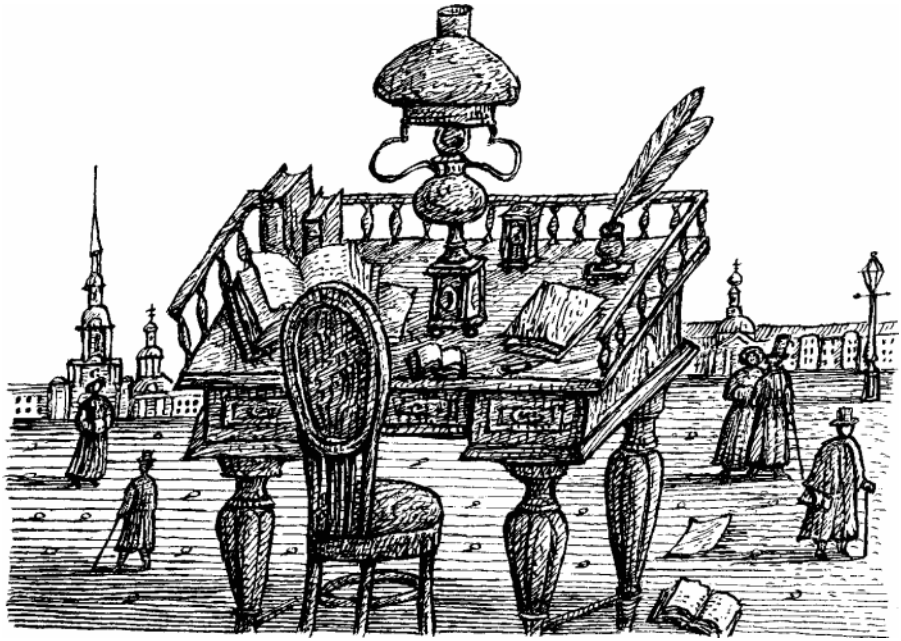
▸▸▸**1.** Помогает или, напротив, затрудняет четкая форма сонета представить его героиню?

2. Как вы объясняете популярность жанра сонета в литературе разных стран и народов?

Литература XIX века



Басня. Баллада. Роман. Поэма. Сатира.



Жанры классической литературы XIX века

Литература XVIII века строилась по строгим законам. Каждый род и каждый жанр имели свод правил, по которым создавались литературные произведения. Наиболее талантливые авторы ломали строгие преграды, и рождались произведения, не входящие в жесткие рамки.

В XIX веке требования к конкретным жанрам не соблюдались так строго. Поэт, драматург и прозаик чувствовали себя свободней: они могли сочетать в одном произведении признаки разных жанров.

Часто начало XIX века называют «золотым веком» русской поэзии. Этот период стал расцветом российской лирики. На основе традиций народной песни, античной поэзии создавался новый поэтический язык, менялась техника стихосложения. Опираясь на уже созданные жанры, русские поэты создавали новые. Возникала тенденция к смешению лирических жанров.

В середине XIX века поэзия уступает место прозе. Усиление роли прозы часто связывают с именем Гоголя.

Вторая половина XIX века в русской литературе – время расцвета такого эпического жанра, как роман. Романы Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и А. И. Гончарова скоро войдут в ваш читательский мир.

Подумайте немного об отличии лирики и эпоса. Как вы оцените суждение: «Поэзия – пешеход, зовущий на прогулку, проза – поезд, доставляющий к месту назначения»? В поисках ответа вы сразу же поставите перед собой массу вопросов. Искать ответы на вопросы, которые ставят перед вами произведения разных жанров, вы будете всю свою читательскую жизнь.

Из истории басни

Басня – один из самых устойчивых жанров литературы. Вы помните, что **басня – краткий, чаще всего стихотворный рассказ нравоучительного содержания**. Нравоучение содержится в **морали** басни. «Рассказ и цель – вот в чем сущность басни», – писал критик В. Г. Белинский.

В древнегреческой литературе прославился полулегендарный баснописец Эзоп (VI–V вв. до н. э.). В Риме – Федр (I в. н. э.). Во Франции – Лафонтен (XVII в.). Басня была так популярна и важна для духовной жизни народов, что с ее существованием связаны многие предания. Так, говорят, что Сократ перед казнью занимал себя тем, что перелагал в стихи прозаические басни Эзопа.

Басне свойственно **иносказание**. В ней постоянно используется **олицетворение**: герои басни – это не только люди, но и животные, растения, вещи. Выражение **эзопов язык** существует как обозначение иносказательной речи, которая маскирует смысл высказывания.

Басня с ее лаконизмом и яркими характеристиками героев, с обращением к сценкам-диалогам, с афоризмами помогает нам сделать более яркой и собственную речь.

Для того чтобы увидеть стойкость басни как жанра и понять интерес баснописцев к некоторым сюжетам, попробуем повторить путешествие Вороны и Лисицы по странам и векам.

Этот сюжет мы встречаем в баснях Эзопа, Федра, Лафонтена, Тредиаковского, Сумарокова и Крылова. Читая басни, попробуйте решить, почему так популярен этот сюжет.

Эзоп (VI–V вв. до н. э.)
Ворон и Лисица

Ворон унес кусок мяса и уселся на дереве. Лисица увидела, и

захотелось ей заполучить это мясо. Стала она перед Вороном и принялась его расхваливать: уж и велик он, и красив, и мог бы получше других стать царем над птицами, да и стал бы, конечно, будь у него еще и голос. Ворону и захотелось показать ей, что есть у него голос; выпустил он мясо и закаркал громким голосом. А Лисица подбежала, ухватила мясо и говорит: «Эх, Ворон, кабы у тебя еще и ум был в голове, – ничего бы тебе больше не требовалось, чтобы царствовать».

Басня уместна против человека неразумного.

Вопросы и задания

1. Как вы поняли мораль басни?
2. В чем выразилась неразумность Ворона?
3. Чем подействовала на него Лисица?

1. Как вы понимаете слово «лесть»? Докажите, что оно уместно при оценке того, что говорила Лисица.

Жан де Лафонтен (1621–1695)
Ворон и Лисица

Дядюшка Ворон, сидя на дереве,
Держал в своем клюве сыр.
Дядюшка Лис, привлеченный запахом,
Повел с ним такую речь:
«Добрый день, благородный Ворон!
Что за вид у вас! что за красота!
Право, если ваш голос
Так же ярок, как ваши перья,
То вы – Феникс наших дубрав!»
Ворону этого показалось мало,
Захотел он блеснуть и голосом,
Разинул клюв – и выронил сыр.
Подхватил его Лис и молвил: «Сударь,
Запомните: всякий льстец
Кормится от тех, кто его слушает, —
Вот урок вам, а урок стоит сыра».
И поклялся смущенный Ворон (но поздно!),
Что другого урока ему не понадобится.

Вопросы и задания

⏩**1.** Что отличает Ворона Эзопа от Ворона Лафонтена?

2. В какой из басен говорится о лести и льстецах?

3. В какой басне Ворон, пусть и поздно, но понял свою ошибку?

Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1768)
Ворон и Лисица

Негде Ворону унесть сыра часть случилось;
На дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть;
Для того домочься б, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвет почтивши
И его вещбу еще также похваливши,
Прямо говорила: «Птицею почту тебя
Зевсовою впредки, буде глас твой для себя
И услышу песнь, доброт всех твоих достойну».
Ворон, похвалой надмен, мня себе пристойну,
Начал, сколько можно громче, каркать и кричать,
Чтоб похвал последню получить себе печать.
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал на землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всем ты добр, мой Ворон: только ты без сердца мех».

Вопросы и задания

⏩**1.** Чем вы объясните, что эту басню так трудно читать?

2. Говорится ли и в этой басне про лесть? Прочтите похвальное слово Лисицы.

Александр Петрович Сумароков (1717–1777)
Ворона и Лисица

И птицы держатся людского ремесла:
Ворона сыру кус когда-то унесла,
И на дуб села.
Села,
Да только лишь еще ни крошечки не ела.
Увидела Лиса во рту у ней кусок,

И думает она: «Я дам Вороне сок:
Хотя туда не вспряну.
Кусочек этот я достану.
Дуб сколько ни высок».
«Здорово, – говорит Лисица, —
Дружок Воронушка, названая сестрица:
Прекрасная ты птица;
Какие ноженьки, какой носок,
И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша;
И попугай ничто перед тобой, душа;
Прекраснее стократ твои павлиньих перья;
Нелестны похвалы приятно нам терпеть.
О если бы еще умела ты и петь!
Так не было б тебе подобной птицы в мире».
Ворона горлышко разинула пошире,
Чтоб быти соловьем,
«А сыру, – думает, – и после я поем:
В сию минуту мне здесь дело не о пире».
Разинула уста
И дождалась поста:
Чуть видит лишь конец лисицына хвоста.
Хотела петь, не пела;
Хотела есть, не ела;
Причина та тому, что сыру больше нет;
Сыр выпал из роту Лисице на обед.

Вопросы и задания

1. Прочтите, что подумала Лиса, а затем – что сказала Вороне. В чем вы видите отличие?

1. Каких птиц вспомнила Лиса, чтобы похвалить несуществующие достоинства Вороны?

1. Видите ли вы разницу между баснями Тредиаковского и Сумарокова? В чем она?

Иван Андреевич Крылов (1769–1844)
Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,

Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

* * *

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перышки! Какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,
И на приветливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Вопросы и задания

⏩**1.** Прочитайте все басни о Вороне и Лисице и сравните их. Можно сравнить две из них – те, которые вам больше понравились.

2. В какой из басен, вам кажется, более ярко создан образ льстеца – Лиса или Лисицы?

3. В какой из басен Ворона (Ворон) кажется вам особенно глупой и тщеславной?

4. Сравните мораль в баснях. Все ли басни учат одному и тому же?

5. Сделайте рисунки-иллюстрации к одной из басен.

6. На уроках вы учитесь владеть всеми формами общения. Каждый вид художественных произведений помогает вам в этом. Чем помогает вам басня?

7. Выберите для себя один из вариантов самостоятельной работы.

Басню можно прочесть с листа.

Басню можно прочесть наизусть.

Басню можно исполнить в лицах как пьесу.

Можно использовать мораль басни или ее сюжет для самостоятельной работы.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Вы уже знакомы с творчеством В. А. Жуковского. Два первых десятилетия XIX века он занимал первое место в русской поэзии. Кроме баллад, которые вы читали, поэт создал много других произведений разных жанров. Среди них самое известное произведение об Отечественной войне 1812 года «Певец во стане русских воинов» и текст российского гимна тех лет «Боже, царя храни…». Оба произведения были очень популярны и нравились государю. Они стали причиной блистательной придворной карьеры поэта. Долгие годы Жуковский был воспитателем наследника престола (будущего Александра II). Столь высокое положение в свете не изменило доброго и сердечного характера писателя. Жуковский всегда помогал окружающим, остро чувствовал чужую беду.

Жанр баллады с трагичным сюжетом и полным сочувствия к страдающим героям как нельзя более отвечал личным настроениям поэта. В 1808 году Жуковский пишет свою первую балладу «Людмила» и публикует ее с подзаголовком: «Подражание Бюргеровой „Леноре“».

Жуковский создал три десятка баллад, часть которых была переводом-переработкой произведений Шиллера, Гёте, Бюргера и других авторов.

Балладу «Светлана» Жуковский посвятил своей племяннице Александре Андреевне Воейковой. Баллада пользовалась таким успехом у современников, что Жуковского многие называли «Певцом Светланы», а его племянницу часто называли Светланой.

Светлана
(*А. А. Воейковой*)

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,

Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны[3].

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко:
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: „Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое“».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далеко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался – вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! А им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит…
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель[4]?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:

Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье…
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи…
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит…
Вот… легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами…
Занялся от страха дух…
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась… милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».

Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.
Сели… кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут… пусто всё вокруг;
Степь в очах Светланы,
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий…
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил[5]
Тускнет в фимиаме[6];
На средине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо, друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;

Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчалися… и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться – следу нет…
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит…
Дверь шатнулася… скрыпит…
Тихо растворилась.

Что ж? В избушке гроб; накрыт
Белою запоной[7];
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой…
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И, с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.
Все утихло… Вьюги нет…
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится…
Все в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье…
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье…

Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло все опять кругом…
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится.
Сорвался покров: мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь – на лбу венец,
Затворены очи,
Вдруг в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы…
Что же де́вица?.. Дрожит…
Гибель близко… но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул…
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами…
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась…
Глядь, Светлана… о Творец!
Милый друг ее – мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумный бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит… Светланин дух

Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий…
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий…
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет.
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

* * *

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;

В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу я славы:
Слава – нас учили – дым;
Свет – судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей —
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
„Здесь несчастье – лживый сон;
Счастье – пробужденье“».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана…
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа – как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо – Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

Вопросы и задания

1. Какие из крещенских гаданий показались вам самыми забавными, поэтичными?

2. Какую роль в общей композиции баллады играет сон героини?

3. Найдите в балладе завязку, кульминацию и развязку.

4. Какую часть баллады можно рассматривать как эпилог?

1. Каким стихотворным размером написана баллада?

2. Какие художественные средства активно

использованы в балладе «Светлана»?

3. Какие средства выразительности, используемые в балладе «Светлана», часто встречаются в фольклоре?

4. Найдите строки, исполненные шутливости и веселья. Как вы объясняете их появление в балладе?

⏭**1.** Подготовьте краткий пересказ сюжета баллады. Опишите сон героини.

2. Расскажите, какой представляется вам героиня баллады – Светлана.

3. Подготовьте краткое сообщение о племяннице поэта А. А. Воейковой.

4. Найдите описание картин природы в балладе и решите, как они связаны с общим настроением повествования и с характером героини.

5. Почему современники часто называли Жуковского «балладником»? Сколько баллад он написал? Найдите их и прочитайте.

Часто одну и ту же балладу переводили разные поэты. Так, В. А. Жуковский и М. Ю. Лермонтов перевели произведение Ф. Шиллера «Перчатка». Сам Шиллер назвал его рассказом, поскольку оно написано не в строфической форме, а как повествование. Жуковский назвал повестью, а Лермонтов жанр не обозначил. Белинский считал это произведение балладой. Споры идут до сих пор. Прочитайте перевод Жуковского и решите, к какому жанру вы его отнесете.

Перчатка

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев

Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, все оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лег. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решетки прянул;
Но видит льва, робеет и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал…

Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.
И гости ждут, чтоб битва началася.
Вдруг женская с балкона сорвалася
Перчатка… все глядят за ней…
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верной,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,

Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды…
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

Вопросы и задания

⏩**1.** Как в этом произведении использована рифма?

2. Какие художественные приемы помогают читателю представить себе рыцаря Делоржа и «его красавицу»?

⏩⏩**1.** Попробуйте назвать все приметы баллады и все приметы повести, которые вы заметили в этом произведении, и вынесите свое суждение о его жанре.

2. Желающие могут сравнить перевод Жуковского с переводом Лермонтова. Какой из переводов ближе по своим особенностям к балладе?

3. Какие баллады Жуковского вы читали, какие сюжеты запомнились? Какие строки знаете наизусть? Считаете ли вы, что, читая его баллады, вы познакомились с творчеством Гёте, Шиллера и других поэтов, которых он переводил?

4. Кажется ли вам верным утверждение, что «переводчик в стихах – всегда соперник автора»? Как можно доказать правильность этого утверждения?

5. Жуковский издавал небольшим тиражом сборники стихов «Для немногих». В них были помещены рядом текст, который переводится, и перевод. Читатель видел перед собой два самостоятельных произведения: то, которое переведено, и его перевод. Как вы оцените замысел такого издания? Что он говорит об авторской честности Жуковского?

Из истории баллады

В средневековой поэзии балладой называлась незамысловатая песенка с обязательным рефреном (припевом), сопровождающая танцы. Обычно в ней говорилось о любви. Затем песня отделилась от пляски и утратила припев.

В XIV веке во Франции этот жанр развился в придворной поэзии; у него выработались очень четкие формы организации стиха. Эти формы были очень сложны, и в таком виде баллада довольно быстро перестала существовать. В английской и в шотландской народной поэзии баллада была известна как сюжетная песня с хоровым припевом. Именно такой она представлена в творчестве поэтов XVIII–XIX веков. **Баллада – небольшое стихотворение повествовательного характера, основанное преимущественно на историческом или легендарном материале с мрачным сюжетом.**

В Англии создавались народные баллады о Робин Гуде, много народных баллад собрал и издал знаменитый писатель В. Скотт, писали баллады Р. Бёрнс, Р. Саути. В Германии сочиняли баллады Г. Бюргер, В. Гёте, Г. Гейне, Ф. Шиллер. В Польше – А. Мицкевич. В России в XIX веке баллады пользовались большой популярностью, среди их создателей В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. К. Толстой. В XX веке в России были широко известны баллады Э. Г. Багрицкого, Н. С. Тихонова.

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Имя Пушкина и строки его стихов живут в вашей памяти.

«…Пока будет звучать на свете русский язык, будущие поколения наших соотечественников станут помнить имя Пушкина» – эти слова критика XIX века А. В. Дружинина можно считать пророческими.

Жизнь поэта в самых важных событиях и творческих свершениях знакома с детских лет. Творческая его щедрость явственно проявлялась и в обилии разных жанров, которые рождались в его лирике, прозе, драматургии. Пушкин был быстрым на решения и на поиски слова и формы автором. И в юности, и в зрелые годы в его творчестве соседствовали произведения разных родов и жанров, объемов, настроения. Это были стихи и проза, художественные произведения и критические статьи, драмы и «маленькие трагедии»…

Удивительное богатство творчества Пушкина легче всего себе представить, если обратиться к знаменитой Болдинской осени 1830 года.

3 сентября поэт впервые приехал в Болдино и увидел дом, церковь, деревню с избами, крытыми соломой и тесом. Он собирался оформить владение этой деревней, но неожиданно оказался отрезанным от мира: с юга надвигалась эпидемия холеры, и Болдино было оцеплено карантинами (всех проезжих задерживали в определенных пунктах (карантинах) для того, чтобы предотвратить распространение болезни). Пушкин волнуется о невесте, оставшейся в холерной Москве, и пытается выехать из Болдина, но прорваться в Москву невозможно. Поэт возвращается в это унылое место.

И вот судьба поворачивает беды оборотной стороной… За три осенних месяца вынужденного одиночества великий поэт одарил мир яркими творениями, как пишет исследовательница творчества поэта Т. Г. Цявловская в предисловии к книге, которая так и названа – «Болдинская осень» и включает в себя все, что написал поэт за этот период.

Попробуйте себе представить этот взлет творческой активности. За неполных три месяца создано: 6 повестей, 28 стихотворений разных жанров, 4 драматические сцены («маленькие трагедии»), 4 главы романа в стихах «Евгения Онегина», 2 стихотворные сказки, 8 критических статей и фрагментов, поэма «Домик в Коломне».

Сделав все необходимые дела в первые дни после приезда, Пушкин уже 7 сентября создает стихотворение «Бесы». Второе стихотворение, написанное на следующий день, названо «Элегия».

Элегия

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Вопросы и задания

⏩**1.** Какие художественные приемы активно используются в строках этой элегии?

2. Попробуйте доказать, что стихотворение содержит признаки жанра, обозначенного в заголовке.

⏩⏩**1.** Сбылась ли в эти месяцы Болдинской осени надежда поэта? Удалось ли ему «упиться гармонией» и «облиться слезами» над собственным вымыслом? Как вы ответите на этот вопрос?

Изучая ранее творчество А. С. Пушкина, вы уже познакомились с некоторыми жанрами его лирики. Среди них **послания**, которые поэт адресовал не только своим друзьям и близким. Среди произведений с названным адресатом («Дельвигу», «К Жуковскому», «К другу стихотворцу») есть такие послания – «Домовому», «К моей чернильнице». Нередко в названии определяется жанр: «Послание к кн. Горчакову».

Среди тех, кто всю жизнь был близок Пушкину, нужно прежде всего назвать Жуковского. Ему посвящено много стихов поэта. Именно ему написал он на дверях знакомую вам записку в стихах. Откликнулся он и на создание портрета Жуковского.

К портрету Жуковского

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Вопросы и задания

▶**1.** О чем пишет поэт, обращаясь к портрету: о портрете или о самом Жуковском, которого так высоко ценит?

2. Как оценил автор стихи Жуковского?

⏩**1.** Какие эпитеты увидели вы в этом стихотворении: можно ли считать их метафорическими эпитетами? То есть есть ли в них и признаки метафоры?

2. Сам Жуковский реже, чем Пушкин, прибегал в ямбу. Как вы объясните, почему стихотворение написано ямбом?

⏩⏩**1.** Найдите и перечитайте стихотворения Пушкина, адресованные Жуковскому. Сможете ли вы по этим пушкинским строкам создать свой портрет старшего друга поэта?

Есть среди пушкинских стихов и романсы. Таково произведение «Певец». Стихотворение написано в 1816 году в Лицее, но Пушкин включал его во все свои собрания сочинений. Оно было использовано в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин» и превратилось в ней в один из самых ярких дуэтов Татьяны и Ольги Лариных.

Если вы слышали оперу, как вы могли бы объяснить причину такого использования юношеского стихотворения поэта?

Певец

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

Вопросы и задания

1. Какую роль в стихотворении играют вопросительные предложения? Можно ли назвать их риторическими вопросами?

2. Каким стихотворным размером написано произведение «Певец»?

Каждую лицейскую годовщину 19 октября Пушкин, верный лицейскому братству, встречался с друзьями либо обращался к ним со стихотворным посланием. Одно из них было написано в 1825 году. Именно оно обычно связывается в воспоминаниях

читателей с этой памятной датой. Здесь поименно были названы либо упомянуты многие из 29 лицеистов первого выпуска: Н. А. Корсаков, Ф. Ф. Матюшкин, И. И. Пущин, А. М. Горчаков, А. Дельвиг, В. Кюхельбекер. Однако в первых изданиях текста по распоряжению цензора имена были заменены точками.

19 октября

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
И ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще[8] воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье
И милого душа моя не ждет.

Я пью один[9], и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют…
Немногие ль из вас и там пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?
Он не пришел, кудрявый наш певец[10],
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей.

Чужих небес любовник беспокойный[11]?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край, преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой…
С мольбой моей, печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин[12] мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков[13], счастливец с первых дней,
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев[14],
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты…
Опомнимся – но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там,
Скажи, Вильгельм[15], не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! Душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне… пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! И, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? О други, угадайте…
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! Им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему…
Кому ж из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! Средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас в дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой…
Пускай же он с отрадой пусть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,

Его провел без горя и забот.

Вопросы и задания

▶**1.** Какому событию посвящено это произведение? Как вы объясните его название?

2. Какую роль Лицей играл в жизни своих выпускников?

3. Кого из лицейских друзей автор вспомнил поименно? Помогает ли «список» имен, упомянутых в стихотворении, понять характер лицейской дружбы?

⏩**1.** Каким стихотворным размером написано произведение?

2. Какими приемами пользуется автор, создавая портреты своих друзей?

3. Какую роль играет в стихотворении описание природы?

⏩⏩**1.** К какому жанру можно отнести это произведение?

2. Какие послания Пушкина посвящены дорогой для него дате – 19 октября? Есть ли отличия в тоне и содержании этих стихотворных произведений?

3. Вспомните все известные вам послания поэта. Кому они адресованы? Является жанр послания монологом или нет? Мотивируйте свой ответ.

4. Кого, кроме друзей, вспоминает Пушкин в день Лицея?

5. Как Пушкин понимал дружбу? Подтвердите текстом стихотворения «19 октября».

6. Строки о любимом преподавателе лицеистов Куницыне были изъяты автором из окончательного варианта текста. Подумайте, почему Пушкин мог опустить такие строки?

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена…

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром,
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Вопросы и задания

▸**1.** Какому моменту в жизни природы посвящено это стихотворение? Что помогает нам определить длительность этого события?

2. Можно ли определить, в какое время года несется по небу «последняя туча рассеянной бури»?

3. Какое настроение передает это описание картины неба?

▸▸**1.** Каким стихотворным размером написано это произведение?

2. Как объяснить повтор слова «одна» в его строках?

3. Какие эпитеты рисуют «героиню» стихотворения – тучу?

4. Какие приемы помогают ощутить стремительность движения тучи?

▸▸▸**1.** Как охарактеризуете вы настроение автора в момент создания стихотворения? Считаете вы его грустным или жизнерадостным?

2. Что кажется вам важнее в этом стихотворении – картина природы или навеянное этой картиной настроение?

К ***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Вопросы и задания

▸**1.** Какой теме посвящено стихотворение?

2. Какой представляется вам героиня послания?

3. Какой видите вы историю встреч поэта и героини стихотворения?

▸▸**1.** Какова композиция стихотворения?

2. Каким стихотворным размером оно написано?

3. Какие художественные приемы создают облик героини произведения?

▸▸▸**1.** Какие признаки любовного послания отличают

стихотворение «К***»?

2. Как вы объясняете обилие романсов на текст этого стихотворения? Назовите композиторов, создавших романсы, понравившиеся вам.

В 1829 году Пушкин предпринял поездку в Арзрум, где тогда шли боевые действия. Во время этого путешествия по Кавказу было создано много стихотворений, рисующих красоту южного края. Стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла…» посвящено невесте поэта Наталии Николаевне Гончаровой.

На холмах Грузии лежит ночная мгла…

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой… Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Вопросы и задания

▶**1.** Как объяснить, почему любовное послание невесте носит название «На холмах Грузии лежит ночная мгла…»?

2. Охарактеризуйте общее настроение этого послания.

▶▶**1.** Каким стихотворным размером написано послание?

2. Какие приметы характеризуют место, которое вызвало в поэте воспоминания о любимой?

▶▶▶**1.** Как удается поэту передать чувство грусти и нежности по отношению к своей любимой? Что помогает ему в этом: форма повествования, приемы изобразительности, жанр?

2. Какие важнейшие свойства жанра послания вы находите в этом стихотворении?

Я вас любил: любовь еще, быть может…

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Вопросы и задания

▸**1.** Как вы охарактеризуете тему стихотворения?

2. Можно ли отнести стихотворение к жанру посланий?

3. Как назвать чувство, о котором говорит автор стихотворения?

⏩**1.** Определите способ рифмовки в этом произведении и его стихотворный размер.

2. Какие приемы использует автор, раскрывая свое чувство к адресату послания?

⏩⏩**1.** Решите, послание повествует о безответной или о счастливой любви?

2. Объясните, каким чувством продиктовано это любовное послание.

3. На стихи Пушкина написано множество романсов. Приведите примеры, называя и стихотворение, и композитора, создавшего музыку.

На перевод «Илиады»

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Недавно были расшифрованы тщательно зачеркнутые строки о том же переводе:

К переводу «Илиады»

Крив был Гнедич-поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

Конечно, вам ясно, что этот дистих можно назвать эпиграммой. Наверное, поэтому Пушкин не только его не напечатал, но старательно зачеркнул сразу же после создания. Это обстоятельство дает нам право говорить о таком важном человеческом качестве поэта, как чувство такта. При чтении этих двух строк мы убедились, что даже двустишия могут образовывать разные жанры лирических произведений.

Пушкин рассматривал стихотворение «Стансы» как план прогрессивной политики, на которую он пытался направить Николая I. Но некоторые друзья восприняли эти строки как измену прежним убеждениям. Это было не так. Стихотворный ответ «Друзьям» – опровержение этих домыслов. Поскольку царь, по его словам, был личным цензором поэта, то он прочел стихотворение. Государь был им доволен, но… запретил печатать. Внимательно прочтите строки стихотворения и подумайте, почему царь принял такое решение.

Стансы

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;

Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Друзьям

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер – и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,

А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Вопросы и задания

1. Каким размером написаны стихотворения?

2. Охарактеризуйте рифмы стихотворения «Стансы».

1. Исследователи утверждают, что три последние четверостишия вновь предлагают царю программу его правления: ограничение самодержавной власти, защиту просвещения, требование свободного выражения собственных мнений. Так ли это по вашему мнению?

2. Попробуйте определить жанр стихотворного ответа Пушкина тем, кто неверно понял «Стансы».

3. Каким вам представляется властитель, программу деятельности которого предложил поэт в этих стихотворениях? Какую роль в этом идеальном облике играют строки о Петре Великом?

Моя эпитафия

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте избранный поэтом жанр.

2. Как вы определите настроение автора этого стихотворения? Кажется ли вам, что оно грустное?

3. Каким размером написано это стихотворение?

Итоговые вопросы и задания

1. Какие жанры лирики Пушкина вам известны?

2. Какие признаки помогают отличить стихотворения разных жанров?

3. Почему не будет ошибкой, если мы назовем любой из стихотворных жанров стихотворением?

4. Определите стихотворный размер произведений Пушкина, которые вы прочли в учебнике. Дают ли вам эти наблюдения право назвать любимый стихотворный размер поэта?

⏩**1.** Проверьте себя. Какие стихотворения Пушкина вы помните наизусть? Попробуйте определить их жанры.

2. Устройте конкурс на исполнение стихов поэта. Как вы думаете, будет ли влиять жанр стихотворения на его исполнение?

Барышня-крестьянка

Среди эпических произведений Пушкина в любом собрании сочинений вы увидите обозначение двух жанров: повесть и роман. Вы помните, что повесть отличается от романа и размером и сложностью событий, которые воспроизводит автор в своем произведении. Но вы также наверняка замечали, что мы как читатели можем назвать роман повестью, а повесть романом и даже вполне убедительно готовы спорить об этом.

Обратимся к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина». Это «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка». Повесть «Барышня-крестьянка» была написана 19–20 сентября 1830 года, в дни знаменитой Болдинской осени. Завершив повесть, Пушкин указал в своих записях: «Болдино. 20 сентября, 9 часов вечера». Итак, повесть создана за два неполных дня.

Во всех ты, Душенька, нарядах хороша.

Богданович[16]

В одной из отдаленных наших губерний находилось имение Ивана Петровича Берестова. В молодости своей служил он в гвардии, вышел в отставку в начале 1797 года, уехал в свою деревню и с тех пор оттуда не выезжал. Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время как он находился в отъезжем поле. Хозяйственные упражнения скоро его утешили. Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы и стал почитать себя умнейшим человеком во всем околодке, в чем и не прекословили ему соседи, приезжавшие к нему гостить с своими семействами и собаками. В будни ходил он в плисовой куртке, по праздникам надевал

сертук[17] из сукна домашней работы; сам записывал расход и ничего не читал, кроме «Сенатских ведомостей». Вообще его любили, хотя и почитали гордым. Не ладил с ним один Григорий Иванович Муромский, ближайший его сосед. Этот был настоящий русский барин. Промотав в Москве большую часть имения своего и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде. Развел он английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе,

Но на чужой манер хлеб русский не родится,

и несмотря на значительное уменьшение расходов, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; он и в деревне находил способ входить в новые долги; со всем тем почитался человеком не глупым, ибо первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым. Из людей, осуждавших его, Берестов отзывался строже всех. Ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера. Он не мог равнодушно говорить об англомании[18] своего соседа и поминутно находил случай его критиковать. Показывал ли гостю свои владения, в ответ на похвалы его хозяйственным распоряжениям: «Да-с! – говорил он с лукавой усмешкою, – у меня не то, что у соседа Григорья Ивановича. Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты». Сии и подобные шутки, по усердию соседей, доводимы были до сведения Григорья Ивановича с дополнением и объяснениями. Англоман выносил критику столь же нетерпеливо, как и наши журналисты. Он бесился и прозвал своего зоила[19] медведем и провинциалом.

Таковы были сношения между сими двумя владельцами, как сын Берестова приехал к нему в деревню. Он был воспитан в *** университете и намеревался вступить в военную службу, но отец на то не соглашался. К статской службе молодой человек чувствовал себя совершенно неспособным. Они друг другу не уступали, и молодой Алексей стал жить покамест барином, отпустив усы на всякий случай.

Алексей был, в самом деле, молодец. Право было бы жаль, если бы его стройного стана никогда не стягивал военный мундир и если бы он, вместо того чтоб рисоваться на коне, провел свою молодость, согнувшись над канцелярскими бумагами. Смотря, как он на охоте скакал всегда первый, не разбирая дороги, соседи говорили согласно, что из него никогда не выйдет путного столоначальника[20]. Барышни поглядывали на него, а иные и заглядывались; но Алексей мало ими занимался, а они причиной его нечувствительности полагали любовную связь. В самом деле, ходил по рукам список с адреса одного из его писем: *Акулине Петровне Курочкиной, в Москве, напротив Алексеевского монастыря, в доме медника Савельева, а вас покорнейше прошу доставить письмо сие А. Н. Р.*

Те из моих читателей, которые не живали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон

колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохою в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание. Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями, но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: *особенность характера, самобытность* (individualité)[21], без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия. В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы. Сие да будет сказано не в суд и не во осуждение, однако ж nota nostra manet[22], как пишет один старинный комментатор.

Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Он первый перед ними явился мрачным и разочарованным, первый говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы. Всё это было чрезвычайно ново в той губернии. Барышни сходили по нем с ума.

Но всех более занята была им дочь англомана моего, Лиза (или Бетси, как звал ее обыкновенно Григорий Иванович). Отцы друг ко другу не ездили, она Алексея еще не видала, между тем как все молодые соседки только об нем и говорили. Ей было семнадцать лет. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень приятное лицо. Она была единственное и, следственно, балованное дитя. Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаянье ее мадам мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурьмила себе брови, два раза в год перечитывала «Памелу», получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки *в этой варварской России.*

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же ветрена, как и ее барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей все свои тайны, вместе с нею обдумывала свои затеи; словом, Настя была в селе Прилучине лицом гораздо более значительным, нежели любая наперсница во французской трагедии.

– Позвольте мне сегодня пойти в гости, – сказала однажды Настя, одевая барышню.

– Изволь; а куда?

– В Тугилово, к Берестовым. Поварова жена у них именинница и вчера приходила звать нас отобедать.

– Вот! – сказала Лиза, – господа в ссоре, а слуги друг друга угощают.

– А нам какое дело до господ! – возразила Настя; – к тому же

я ваша, а не папенькина. Вы ведь не бранились еще с молодым Берестовым; а старики пускай себе дерутся, коли им это весело.

– Постарайся, Настя, увидеть Алексея Берестова, да расскажи мне хорошенько, каков он собою и что он за человек.

Настя обещалась, а Лиза с нетерпением ожидала целый день ее возвращения. Вечером Настя явилась.

– Ну, Лизавета Григорьевна, – сказала она, входя в комнату, – видела молодого Берестова; нагляделась довольно: целый день были вместе.

– Как это? Расскажи, расскажи по порядку.

– Извольте-с: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька…

– Хорошо, знаю. Ну потом?

– Позвольте-с, расскажу всё по порядку. Вот пришли мы к самому обеду. Комната полна была народу. Были колбинские, захарьевские, приказчица с дочерьми, хлупинские…

– Ну! а Берестов?

– Погодите-с. Вот мы сели за стол, приказчица на первом месте, я подле нее… а дочери и надулись, да мне наплевать на них…

– Ах, Настя, как ты скучна с вечными своими подробностями!

– Да как же вы нетерпеливы! Ну вот вышли мы из-за стола… а сидели мы часа три, и обед был славный; пирожное бланманже синее, красное и полосатое… Вот вышли мы из-за стола и пошли в сад играть в горелки, а молодой барин тут и явился.

– Ну что ж? Правда ли, что он так хорош собой?

– Удивительно хорош, красавец, можно сказать. Стройный, высокий, румянец во всю щеку…

– Право? А я так думала, что у него лицо бледное. Что же? Каков он тебе показался? Печален, задумчив?

– Что вы? Да этакого бешеного я и сроду не видывала. Вздумал он с нами в горелки бегать.

– С вами в горелки бегать! Невозможно!

– Очень возможно! Да что еще выдумал! Поймает, и ну целовать!

– Воля твоя, Настя, ты врешь.

– Воля ваша, не вру. Я насилу от него отделалась. Целый день с нами так и провозился.

– Да как же говорят, он влюблен и ни на кого не смотрит?

– Не знаю-с, а на меня так уж слишком смотрел, да и на Таню, приказчикову дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую, да грех сказать, никого не обидел, такой баловник!

– Это удивительно! А что в доме про него слышно?

– Барин, сказывают, прекрасный: такой добрый, такой

веселый. Одно не хорошо: за девушками слишком любит гоняться. Да, по мне, это еще не беда: со временем остепенится.

– Как бы мне хотелось его видеть! – сказала Лиза со вздохом.

– Да что же тут мудреного? Тугилово от нас недалеко, всего три версты: подите гулять в ту сторону или поезжайте верхом: вы верно встретите его. Он же всякий день, рано поутру, ходит с ружьем на охоту.

– Да нет, нехорошо. Он может подумать, что я за ним гоняюсь. К тому же отцы наши в ссоре, так и мне всё же нельзя будет с ним познакомиться… Ах, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!

– И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает.

– А по-здешнему я говорить умею прекрасно. Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка! – И Лиза легла спать с намерением непременно исполнить веселое свое предположение.

На другой же день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговок, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан, засадила за шитье всю девичью, и к вечеру всё было готово. Лиза примерила обнову и призналась пред зеркалом, что никогда еще так мила самой себе не казалась. Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и несколько раз потом качала головою, наподобие глиняных котов, говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом, и заслужила полное одобрение Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дерн колол ее нежные ноги, а песок и камушки показались ей нестерпимы. Настя и тут ей помогла: она сняла мерку с Лизиной ноги, сбегала в поле к Трофиму-пастуху и заказала ему пару лаптей по той мерке. На другой день, ни свет ни заря, Лиза уже проснулась. Весь дом еще спал. Настя за воротами ожидала пастуха. Заиграл рожок, и деревенское стадо потянулось мимо барского двора. Трофим, проходя перед Настей, отдал ей маленькие пестрые лапти и получил от нее полтину в награждение. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шепотом дала Насте свои наставления касательно мисс Жаксон, вышла на заднее крыльцо и через огород побежала в поле.

Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя; ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой веселостию; боясь какой-нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела. Приближаясь к роще, стоящей на рубеже отцовского владения, Лиза пошла тише.

Здесь она должна была ожидать Алексея. Сердце ее сильно билось, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая молодые наши проказы, составляет и главную их прелесть. Лиза вошла в сумрак рощи. Глухой, перекатный шум ее приветствовал девушку. Веселость ее притихла. Мало-помалу предалась она сладкой мечтательности. Она думала… но можно ли с точностию определить, о чем думает семнадцатилетняя барышня, одна, в роще, в шестом часу весеннего утра? Итак, она шла, задумавшись, по дороге, осененной с обеих сторон высокими деревьями, как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. В то же время раздался голос: tout beau, Sbogar, ici… [23] и молодой охотник показался из-за кустарника. «Небось, милая, – сказал он Лизе, – собака моя не кусается». Лиза успела уже оправиться от испугу и умела тотчас воспользоваться обстоятельствами. «Да нет, барин, – сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастенчивой, – боюсь: она, вишь, такая злая; опять кинется». Алексей (читатель уже узнал его) между тем пристально глядел на молодую крестьянку. «Я провожу тебя, если ты боишься, – сказал он ей; – ты мне позволишь идти подле себя?» – «А кто те мешает? – отвечала Лиза, – вольному воля, а дорога мирская[24]». – «Откуда ты?» – «Из Прилучина; я дочь Василья-кузнеца, иду по грибы» (Лиза несла кузовок на веревочке). «А ты, барин? Тугиловский, что ли?» – «Так точно, – ответил Алексей, – я камердинер молодого барина». Алексею хотелось уравнять их отношения. Но Лиза поглядела на него и засмеялась. «А лжешь, – сказала она, – не на дуру напал. Вижу, что ты сам барин». – «Почему же ты так думаешь?» – «Да по всему». – «Однако ж?» – «Да как же барина с слугой не распознать? И одет-то не так, и баишь[25] иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему». Лиза час от часу более нравилась Алексею. Привыкнув не церемониться с хорошенькими поселянками, он было хотел обнять ее; но Лиза отпрыгнула от него и приняла вдруг на себя такой строгий и холодный вид, что хотя это и рассмешило Алексея, но удержало его от дальнейших покушений. «Если вы хотите, чтобы мы были вперед приятелями, – сказала она с важностию, – то не извольте забываться». – «Кто тебя научил этой премудрости? – спросил Алексей, расхохотавшись. – Уж не Настенька ли, моя знакомая, не девушка ли барышни вашей? Вот какими путями распространяется просвещение!» Лиза почувствовала, что вышла было из своей роли, и тотчас поправилась. «А что думаешь? – сказала она, – разве я и на барском дворе никогда не бываю? небось: всего наслышалась и нагляделась. Однако, – продолжала она, – болтая с тобою, грибов не наберешь. Иди-ка ты, барин, в

сторону, а я в другую. Прощения просим…» Лиза хотела удалиться, Алексей удержал ее за руку. «Как тебя зовут, душа моя?» – «Акулиной, – отвечала Лиза, стараясь освободить свои пальцы от руки Алексеевой; – да пусти ж, барин; мне и домой пора». – «Ну, мой друг Акулина, непременно буду в гости к твоему батюшке, к Василью-кузнецу». – «Что ты? – возразила с живостию Лиза, – ради Христа, не приходи. Коли дома узнают, что я с барином в роще болтала наедине, то мне беда будет; отец мой, Василий-кузнец, прибьет меня до смерти». – «Да я непременно хочу с тобой опять видеться». – «Ну я когда-нибудь опять сюда приду за грибами». – «Когда же?» – «Да хоть завтра». – «Милая Акулина, расцеловал бы тебя, да не смею. Так завтра, в это время, не правда ли?» – «Да, да». – «И ты не обманешь меня?» – «Не обману». – «Побожись». – «Ну вот те Святая пятница, приду».

Молодые люди расстались. Лиза вышла из лесу, перебралась через поле, прокралась в сад и опрометью побежала в ферму, где Настя ожидала ее. Там она переоделась, рассеянно отвечая на вопросы нетерпеливой наперсницы, и явилась в гостиную. Стол был накрыт, завтрак готов, и мисс Жаксон, уже набеленная и затянутая в рюмочку, нарезывала тоненькие тартинки. Отец похвалил ее за раннюю прогулку. «Нет ничего здоровее, – сказал он, – как просыпаться на заре». Тут он привел несколько примеров человеческого долголетия, почерпнутых из английских журналов, замечая, что все люди, жившие более ста лет, не употребляли водки и вставали на заре зимой и летом. Лиза его не слушала. Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и совесть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себе, что беседа их не выходила из границ благопристойности, что эта шалость не могла иметь никакого последствия, совесть ее роптала громче ее разума. Обещание, данное ею на завтрашний день, всего более беспокоило ее: она совсем было решилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексей, прождав ее напрасно, мог идти отыскивать в селе дочь Василья-кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую девку, и таким образом догадаться об ее легкомысленной проказе. Мысль эта ужаснула Лизу, и она решилась на другое утро опять явиться в рощу Акулиной.

С своей стороны Алексей был в восхищении, целый день думал он о новой своей знакомке; ночью образ смуглой красавицы и во сне преследовал его воображение. Заря едва занималась, как он уже был одет. Не дав себе времени зарядить ружье, вышел он в поле с верным своим Сбогаром и побежал к месту обещанного свидания. Около получаса прошло в несносном

для него ожидании; наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан и бросился навстречу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексей тотчас заметил на ее лице следы уныния и беспокойства. Он хотел узнать тому причину. Лиза призналась, что поступок ее казался ей легкомысленным, что она в нем раскаивалась, что на сей раз не хотела она не сдержать данного слова, но что это свидание будет уже последним и что она просит его прекратить знакомство, которое ни к чему доброму не может их довести. Всё это, разумеется, было сказано на крестьянском наречии; но мысли и чувства, необыкновенные в простой девушке, поразили Алексея. Он употребил всё свое красноречие, дабы отвратить Акулину от ее намерения; уверял ее в невинности своих желаний, обещал никогда не подать ей повода к раскаянию, повиноваться ей во всем, заклинал ее не лишать его одной отрады: видаться с нею наедине, хотя бы через день, хотя бы дважды в неделю. Он говорил языком истинной страсти и в эту минуту был точно влюблен. Лиза слушала его молча. «Дай мне слово, – сказала она наконец, – что ты никогда не будешь искать меня в деревне или расспрашивать обо мне. Дай мне слово не искать других со мной свиданий, кроме тех, которые я сама назначу». Алексей поклялся было ей Святою пятницею, но она с улыбкой остановила его. «Мне не нужно клятвы, – сказала Лиза, – довольно одного твоего обещания». После того они дружески разговаривали, гуляя вместе по лесу, до тех пор пока Лиза сказала ему: пора. Они расстались, и Алексей, оставшись наедине, не мог понять, каким образом простая деревенская девочка в два свидания успела взять над ним истинную власть. Его сношения с Акулиной имели для него прелесть новизны, и хотя предписания странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему в голову. Дело в том, что Алексей, несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, был добрый и пылкий малый и имел сердце чистое, способное чувствовать наслаждения невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры; но знаю, что большая часть моих читателей не разделила бы со мною моего удовольствия. Эти подробности, вообще, должны казаться приторными, итак, я пропущу их, сказав вкратце, что не прошло еще и двух месяцев, а мой Алексей был уже влюблен без памяти, и Лиза была не равнодушнее, хотя и молчаливее его. Оба они были счастливы настоящим и мало думали о будущем.

Мысль о неразрывных узах довольно часто мелькала в их уме, но никогда они о том друг с другом не говорили. Причина ясная: Алексей, как ни привязан был к милой своей Акулине, всё помнил расстояние, существующее между им и бедной крестьянкою; а Лиза ведала, какая ненависть существовала между их отцами, и не смела надеяться на взаимное примирение. К тому же самолюбие ее было втайне подстрекаемо темной, романическою надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца. Вдруг важное происшествие чуть было не переменило их взаимных отношений.

В одно ясное, холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень) Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом, на всякий случай взяв с собою пары три борзых, стремянного и несколько дворовых мальчишек с трещотками. В то же самое время Григорий Иванович Муромский, соблазнясь хорошею погодою, велел оседлать куцую свою кобылку и рысью поехал около своих англизированных владений. Подъезжая к лесу, увидел он соседа своего, гордо сидящего верхом, в чекмене[26], подбитом лисьим мехом, и поджидающего зайца, которого мальчишки криком и трещотками выгоняли из кустарника. Если б Григорий Иванович мог предвидеть эту встречу, то конечно б он поворотил в сторону; но он наехал на Берестова вовсе неожиданно и вдруг очутился от него в расстоянии пистолетного выстрела. Делать было нечего. Муромский, как образованный европеец, подъехал к своему противнику и учтиво его приветствовал. Берестов отвечал с таким же усердием, с каковым цепной медведь кланяется *господам* по приказанию своего вожатого. В сие время заяц выскочил из лесу и побежал полем. Берестов и стремянный закричали во всё горло, пустили собак и следом поскакали во весь опор. Лошадь Муромского, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понесла. Муромский, провозгласивший себя отличным наездником, дал ей волю и внутренно доволен был случаем, избавляющим его от неприятного собеседника. Но лошадь, доскакав до оврага, прежде ею не замеченного, вдруг кинулась в сторону, и Муромский не усидел. Упав довольно тяжело на мерзлую землю, лежал он, проклиная свою куцую кобылу, которая, как будто опомнясь, тотчас остановилась, как только почувствовала себя без седока. Иван Петрович подскакал к нему, осведомляясь, не ушибся ли он. Между тем стремянный привел виновную лошадь, держа ее под уздцы. Он помог Муромскому взобраться на седло, а Берестов пригласил его к себе. Муромский не мог отказаться, ибо чувствовал себя обязанным, и таким образом Берестов возвратился домой со славою, затравив зайца и

ведя своего противника раненым и почти военнопленным.

Соседи, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромский попросил у Берестова дрожек[27], ибо признался, что от ушибу не был он в состоянии доехать до дома верхом. Берестов проводил его до самого крыльца, а Муромский уехал не прежде, как взяв с него честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по-приятельски в Прилучино. Таким образом вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться от пугливости куцой кобылки.

Лиза выбежала навстречу Григорью Ивановичу. «Что это значит, папа? – сказала она с удивлением, – отчего вы хромаете? Где ваша лошадь? Чьи это дрожки?» – «Вот уж не угадаешь, my dear[28]», – отвечал ей Григорий Иванович и рассказал всё, что случилось. Лиза не верила своим ушам. Григорий Иванович, не дав ей опомниться, объявил, что завтра будут у него обедать оба Берестовы. «Что вы говорите! – сказала она, побледнев. – Берестовы, отец и сын! Завтра у нас обедать! Нет, папа, как вам угодно: я ни за что не покажусь». – «Что ты, с ума сошла? – возразил отец, – давно ли ты стала так застенчива, или ты к ним питаешь наследственную ненависть, как романическая героиня? Полно, не дурачься…» – «Нет, папа, ни за что на свете, ни за какие сокровища не явлюсь я перед Берестовыми». Григорий Иванович пожал плечами и более с нею не спорил, ибо знал, что противоречием с нее ничего не возьмешь, и пошел отдыхать от своей достопримечательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла в свою комнату и призвала Настю. Обе долго рассуждали о завтрашнем посещении. Что подумает Алексей, если узнает в благовоспитанной барышне свою Акулину? Какое мнение будет он иметь о ее поведении и правилах, о ее благоразумии? С другой стороны, Лизе очень хотелось видеть, какое впечатление произвело бы на него свидание столь неожиданное… Вдруг мелькнула ей мысль. Она тотчас передала ее Насте; обе обрадовались ей как находке и положили исполнить ее непременно.

На другой день за завтраком Григорий Иванович спросил у дочки, всё ли намерена она спрятаться от Берестовых. «Папа, – отвечала Лиза, – я приму их, если это вам угодно, только с уговором: как бы я перед ними ни явилась, что б я ни сделала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивления или неудовольствия». – «Опять какие-нибудь проказы! – сказал смеясь Григорий Иванович. – Ну, хорошо, хорошо; согласен, делай, что хочешь, черноглазая моя шалунья». С этим словом он поцеловал ее в лоб, и Лиза побежала приготовляться.

В два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въехала на двор и покатилась около густо-зеленого дернового круга. Старый Берестов взошел на крыльцо с помощью двух ливрейных лакеев Муромского. Вслед за ним сын его приехал верхом и вместе с ним вошел в столовую, где стол был уже накрыт. Муромский принял своих соседей как нельзя ласковее, предложил им осмотреть перед обедом сад и зверинец и повел по дорожкам, тщательно выметенным и усыпанным песком. Старый Берестов внутренно жалел о потерянном труде и времени на столь бесполезные прихоти, но молчал из вежливости. Сын его не разделял ни неудовольствия расчетливого помещика, ни восхищения самолюбивого англомана; он с нетерпением ожидал появления хозяйской дочери, о которой много наслышался, и хотя сердце его, как нам известно, было уже занято, но молодая красавица всегда имела право на его воображение.

Возвратясь в гостиную, они уселись втроем: старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексей размышлял о том, какую роль играть ему в присутствии Лизы. Он решил, что холодная рассеянность во всяком случае всего приличнее и вследствие сего приготовился. Дверь отворилась, он повернул голову с таким равнодушием, с такою гордою небрежностью, что сердце самой закоренелой кокетки непременно должно было бы содрогнуться. К несчастию, вместо Лизы вошла старая мисс Жаксон, набеленная, затянутая, с потупленными глазами и с маленьким книксом[29], и прекрасное военное движение Алексеево пропало втуне[30]. Не успел он снова собраться с силами, как дверь опять отворилась, и на сей раз вошла Лиза. Все встали; отец начал было представление гостей, но вдруг остановился и поспешно закусил себе губы… Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурьмлена пуще самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV; рукава à l'imbécile[31] торчали как фижмы у Madame de Pompadour[32]; талия была перетянута как буква икс, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде[33], сияли на ее пальцах, шее и ушах. Алексей не мог узнать свою Акулину в этой смешной и блестящей барышне. Отец его подошел к ее ручке, и он с досадою ему последовал; когда прикоснулся он к ее беленьким пальчикам, ему показалось, что они дрожали. Между тем он успел заметить ножку, с намерением выставленную и обутую со всевозможным кокетством. Это помирило его несколько с остальным ее нарядом. Что касается до белил и до сурьмы, то в простоте своего сердца, признаться, он их с первого взгляда не заметил, да и после не подозревал. Григорий Иванович вспомнил

свое обещание и старался не показать и виду удивления; но шалость его дочери казалась ему так забавна, что он едва мог удержаться. Не до смеху было чопорной англичанке. Она догадывалась, что сурьма и белила были похищены из ее комода, и багровый румянец досады пробивался сквозь искусственную белизну ее лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другого времени всякие объяснения, притворялась, будто их не замечает.

Сели за стол. Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспев, и только по-французски. Отец поминутно засматривался на нее, не понимая ее цели, но находя всё это весьма забавным. Англичанка бесилась и молчала. Один Иван Петрович был как дома: ел за двоих, пил в свою меру, смеялся своему смеху и час от часу дружелюбнее разговаривал и хохотал.

Наконец встали из-за стола; гости уехали, и Григорий Иванович дал волю смеху и вопросам. «Что тебе вздумалось дурачить их? – спросил он Лизу. – А знаешь ли что? Белила право тебе пристали; не вхожу в тайны дамского туалета, но на твоем месте я бы стал белиться; разумеется, не слишком, а слегка». Лиза была в восхищении от успеха своей выдумки. Она обняла отца, обещалась ему подумать о его совете и побежала умилостивлять раздраженную мисс Жаксон, которая насилу согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ее оправдания. Лизе было совестно показаться перед незнакомцами такой чернавкою: она не смела просить… она была уверена, что добрая, милая мисс Жаксон простит ей… и проч., и проч. Мисс Жаксон, удостоверясь, что Лиза не думала поднять ее на смех, успокоилась, поцеловала Лизу и в залог примирения подарила ей баночку английских белил, которую Лиза и приняла с изъявлением искренней благодарности.

Читатель догадается, что на другой день утром Лиза не замедлила явиться в роще свиданий. «Ты был, барин, вечор у наших господ? – сказала она тотчас Алексею, – какова показалась тебе барышня?» Алексей отвечал, что он ее не заметил. «Жаль», – возразила Лиза. «А почему же?» – спросил Алексей. «А потому, что я хотела бы спросить у тебя, правда ли, говорят…» – «Что же говорят?» – «Правда ли, говорят, будто бы я на барышню похожа?» – «Какой вздор! Она перед тобой урод уродом». – «Ах, барин, грех тебе это говорить; барышня наша такая беленькая, такая щеголиха! Куда мне с нею равняться!» Алексей божился ей, что она лучше всевозможных беленьких барышень, и, чтоб успокоить ее совсем, начал описывать ее госпожу такими смешными чертами, что Лиза хохотала от души. «Однако ж, – сказала она со

вздохом, – хоть барышня, может, и смешна, всё же я перед нею дура безграмотная». – «И! – сказал Алексей, – есть о чем сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчас выучу тебя грамоте». – «А взаправду, – сказала Лиза, – не попытаться ли в самом деле?» – «Изволь, милая; начнем хоть сейчас». Они сели. Алексей вынул из кармана карандаш и записную книжку, и Акулина выучилась азбуке удивительно скоро. Алексей не мог надивиться ее понятливости. На следующее утро она захотела попробовать и писать; сначала карандаш не слушался ее, но через несколько минут она и вырисовывать буквы стала довольно порядочно. «Что за чудо! – говорил Алексей. – Да у нас учение идет скорее, чем по ланкастерской системе[34]». В самом деле, на третьем уроке Акулина разбирала уже по складам «Наталью, боярскую дочь»[35], прерывая чтение замечаниями, от которых Алексей истинно был в изумлении, и круглый лист измарала афоризмами, выбранными из той же повести.

Прошла неделя, и между ими завелась переписка. Почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба. Настя втайне исправляла должность почтальона. Туда приносил Алексей крупным почерком написанные письма и там же находил на синей простой бумаге каракульки своей любезной. Акулина, видимо, привыкала к лучшему складу речей, и ум ее приметно развивался и образовывался.

Между тем недавнее знакомство между Иваном Петровичем Берестовым и Григорьем Ивановичем Муромским более и более укреплялось и вскоре превратилось в дружбу, вот по каким обстоятельствам: Муромский нередко думал о том, что по смерти Ивана Петровича всё его имение перейдет в руки Алексею Ивановичу; что в таком случае Алексей Иванович будет один из самых богатых помещиков той губернии и что нет ему никакой причины не жениться на Лизе. Старый же Берестов, с своей стороны, хотя и признавал в своем соседе некоторое сумасбродство (или, по его выражению, английскую дурь), однако же не отрицал в нем и многих отличных достоинств, например: редкой оборотливости; Григорий Иванович был близкий родственник графу Пронскому, человеку знатному и сильному; граф мог быть очень полезен Алексею, а Муромский (так думал Иван Петрович), вероятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгодным образом. Старики до тех пор обдумывали всё это каждый про себя, что наконец друг с другом и переговорились, обнялись, обещались дело порядком обработать и принялись о нем хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затруднение: уговорить свою Бетси познакомиться короче с Алексеем, которого не видала она с самого достопамятного обеда.

Казалось, они друг другу не очень нравились; по крайней мере Алексей уже не возвращался в Прилучино, а Лиза уходила в свою комнату всякий раз, как Иван Петрович удостоивал их своим посещением. Но, думал Григорий Иванович, если Алексей будет у меня всякий день, то Бетси должна же будет в него влюбиться. Это в порядке вещей. Время всё сладит.

Иван Петрович менее беспокоился об успехе своих намерений. В тот же вечер призвал он сына в свой кабинет, закурил трубку и, немного помолчав, сказал: «Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Иль гусарский мундир уже тебя не прельщает!» – «Нет, батюшка, – отвечал почтительно Алексей, – я вижу, что вам не угодно, чтоб я шел в гусары; мой долг вам повиноваться». – «Хорошо, – отвечал Иван Петрович, – вижу, что ты послушный сын; это мне утешительно; не хочу ж и я тебя неволить; не понуждаю тебя вступить… тотчас… в статскую службу: а покамест намерен я тебя женить».

– На ком это, батюшка? – спросил изумленный Алексей.

– На Лизавете Григорьевне Муромской, – отвечал Иван Петрович: – невеста хоть куда; не правда ли?

– Батюшка, я о женитьбе еще не думаю.

– Ты не думаешь, так я за тебя думал и передумал.

– Воля ваша. Лиза Муромская мне вовсе не нравится.

– После понравится. Стерпится, слюбится.

– Я не чувствую себя способным сделать ее счастие.

– Не твое горе – ее счастие. Что? так-то ты почитаешь волю родительскую? Добро!

– Как вам угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

– Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как Бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю. Даю тебе три дня на размышление, а покамест не смей на глаза мне показаться.

Алексей знал, что если отец заберет что себе в голову, то уж того, по выражению Тараса Скотинина[36], у него и гвоздем не вышибешь; но Алексей был в батюшку, и его столь же трудно было переспорить. Он ушел в свою комнату и стал размышлять о пределах власти родительской, о Лизавете Григорьевне, о торжественном обещании отца сделать его нищим и наконец об Акулине. В первый раз видел он ясно, что он в нее страстно влюблен: романическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову, и чем более думал он о сем решительном поступке, тем более находил в нем благоразумия. С некоторого времени свидания в роще были прекращены по причине дождливой погоды. Он написал Акулине письмо самым четким почерком и самым бешеным слогом, объявлял ей о грозящей им погибели, и тут же предлагал ей свою

руку. Тотчас отнес он письмо на почту, в дупло, и лег спать весьма довольный собою.

На другой день Алексей, твердый в своем намерении, рано утром поехал к Муромскому, дабы откровенно с ним объясниться. Он надеялся подстрекнуть его великодушие и склонить его на свою сторону. «Дома ли Григорий Иванович?» – спросил он, останавливая свою лошадь перед крыльцом прилучинского замка. «Никак нет, – отвечал слуга; – Григорий Иванович с утра изволил выехать». – «Как досадно!» – подумал Алексей. «Дома ли, по крайней мере, Лизавета Григорьевна?» – «Дома-с». И Алексей спрыгнул с лошади, отдал поводья в руки лакею и пошел без доклада.

«Все будет решено, – думал он, подходя к гостиной: – объяснюсь с нею самою». Он вошел… и остолбенел! Лиза… нет, Акулина, милая смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платьице, сидела перед окном и читала его письмо; она так была занята, что не слыхала, как он и вошел. Алексей не мог удержаться от радостного восклицания. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотела убежать. Он бросился ее удерживать. «Акулина, Акулина!..» Лиза старалась от него освободиться… «Mais laissez-moi donc, monsieur; mais etes-vous fou?»[37] – повторяла она, отворачиваясь. «Акулина! друг мой, Акулина!» – повторял он, целуя ее руки. Мисс Жаксон, свидетельница этой сцены, не знала, что подумать. В эту минуту дверь отворилась, и Григорий Иванович вошел.

– Ага! – сказал Муромский, – да у вас, кажется, дело совсем уже слажено…

Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку.

Вопросы и задания

1. Перескажите подробно экспозицию повести.

2. Найдите важнейшие элементы композиции: завязку и кульминацию.

3. Повесть заканчивается словами: «Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку». Попробуйте рассказать в нескольких словах о том, как вы представляете себе эту развязку. Чувствуете ли вы подсказку автора?

1. Создайте сравнительную характеристику двух помещиков-соседей: Ивана Петровича Берестова и

Григория Ивановича Муромского. Попробуйте ее использовать для объяснения причины их плохих отношений.

2. Нарисуйте групповой портрет уездных барышень. При его создании используйте то, что вы узнали в начале повести о Лизе Муромской.

3. Попробуйте порассуждать о том, как эпиграф повести связан с ее сюжетом.

4. Пушкин определил жанр произведения как повесть. Можем ли мы, обсуждая это произведение, употреблять термин «рассказ»?

Дубровский. *В сокращении*

Пушкин очень точно обозначил время работы над этим романом: 21 октября 1832 года – 6 февраля 1833 года. Из рассказа историка П. И. Бартенева нам известно об истории создания романа: «Роман „Дубровский“ внушен был Нащокиным. Он рассказал Пушкину про одного белорусского небогатого дворянина, по фамилии Островский (как и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из именья и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить, сначала подьячих, потом и других. Нащокин видел этого Островского в остроге».

История, рассказанная другом, так заинтересовала Пушкина, что он задумал написать роман. Интересно, что он включил в повествование без какой бы то ни было переделки копию решения суда, даже не переписывая этот документ: очевидно, таким характерным представился ему бюрократический язык документа.

Сравнивая текст романа с планами Пушкина, исследователи пришли к выводу, что роман неокончен.

Прочтите завершающую часть плана, и вы, наверное, согласитесь с этим суждением.

> «Разлука, объяснение, обручение. Капитан-исправник. Жених. Князь Ж. Свадьба. Похищение. Хижина в лесу, команда, сражение. Franc. Сумасшествие. Распущенная шайка.
>
> * * *
>
> Москва, лекарь, уединение. Кабак, извет[38]. Подозрения, полицмейстер».

Том первый

Глава I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия[39] как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе. В одном из флигелей его дома жили 16 горничных, занимаясь рукоделиями, свойственными их полу. Окна во флигеле были загорожены деревянною решеткою; двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирила Петровича. Молодые затворницы в положенные часы сходили в сад и прогуливались под надзором двух старух. От времени до времени Кирила Петрович выдавал некоторых из них замуж, и новые поступали на их место. С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно; но они тщеславились[40] богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали, за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик[41] гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Троекуров, надменный в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера.

Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принужден был выйти в отставку и поселиться в остальной[42] своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему свое покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф[43], приехал в свое поместие; они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не удостоивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходствовали отчасти и в характерах и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребенку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоем Володьке будет путь, так отдам за него Машу: даром что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головою и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирила Петровича прямо высказывал свое мнение, не заботясь о том, противуречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай всё расстроил и переменил.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъезжее поле[44]. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным[45] быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперед на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своем собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак, под присмотром штаб-лекаря[46] Тимошки, и отделение, где благородные суки ощенялись и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый

осмотривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псарне, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался пред некоторыми конурами, то расспрашивая о здоровии больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностию восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения. «Что же ты хмуришься, брат, – спросил его Кирила Петрович, – или псарня моя тебе не нравится?» – «Нет, – отвечал он сурово, – псарня чудная, вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам». Один из псарей обиделся. «Мы на свое житье, – сказал он, – благодаря Бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее». Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова. В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорожденных щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нем. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как еще сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгоряченный наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал. Кирила Петрович, встав из-за стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псаря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от ваших холопьев не намерен, да и от вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорным ко услугам

Андрей Дубровский».

По нынешним понятиям об этикете письмо сие было бы весьма неприличным, но оно рассердило Кирила Петровича не странным слогом и расположением, но только своею сущностью: «Как, – загремел Троекуров, вскочив с постели босой, – высылать к ему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! Да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его… Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!»

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностию, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили[47]. Обед в поле под палаткою также не удался, или по крайней мере был не по вкусу Кирила Петровича, который прибил повара, разбранил гостей и на возвратном пути со всею своей охотою нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседами не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское, Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко наливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Дубровский объезжал однажды малое свое владение: приближаясь к березовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привел их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит: прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников

прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сем происшествии в тот же день дошел до Кирила Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистеневку (так называлась деревня его соседа), разорить ее дотла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковые подвиги были ему не в диковину, но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжелыми шагами взад и вперед по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку; маленький человек в кожаном картузе и фризовой[48] шинели вышел из телеги и пошел во флигель к приказчику; Троекуров узнал заседателя[49] Шабашкина и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кирилом Петровичем, отвешивая поклон за поклоном и с благоговением ожидая его приказаний.

– Здорово, как бишь тебя зовут, – сказал ему Троекуров, – зачем пожаловал?

– Я ехал в город, ваше превосходительство, – отвечал Шабашкин, – и зашел к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства.

– Очень кстати заехал, как бишь тебя зовут; мне до тебя нужда. Выпей водки да выслушай.

Таковой ласковый прием приятно изумил заседателя. Он отказался от водки и стал слушать Кирила Петровича со всевозможным вниманием.

– У меня сосед есть, – сказал Троекуров, – мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение. Как ты про то думаешь?

– Ваше превосходительство, коли есть какие-нибудь документы или…

– Врешь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына и продано потом отцу Дубровского. Нельзя ли к этому придраться?

– Мудрено, ваше высокопревосходительство; вероятно, сия продажа совершена законным порядком.

– Подумай братец, поищи хорошенько.

– Если бы, например, ваше превосходительство могли каким ни есть образом достать от вашего соседа запись или купчую[50], в силу которой владеет он своим имением, то конечно…

– Понимаю, да вот беда – у него все бумаги сгорели во время пожара.

– Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! чего ж

вам лучше? – в таком случае извольте действовать по законам и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

– Ты думаешь? Ну смотри же. Я полагаюсь на твое усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дни стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчет его владения сельцом Кистеневкою.

Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда[51] и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во-первых, что Дубровский мало знает толку в делах, во-вторых, что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение. Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но в последствии времени оказавшуюся недостаточной.

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте Андрей Гаврилович мало о нем беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени[52], но мысль соделаться жертвой ябеды не приходила ему в голову. С своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела. Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, стращая и подкупая судей и толкуя вкривь и впрямь всевозможные указы.

Как бы то ни было, 18… года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к ** земскому судье[53] для выслушивания решения оного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

Глава II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствие уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирила Петрович. Писаря встали и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресла из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях. Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке. Настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда. Мы помещаем его вполне, полагая, что всякому приятно будет увидать один из способов, коими на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право.

18… года октября 27 дня** уездный суд рассматривал дело о неправильном владении гвардии поручиком Андреем Гавриловым сыном Дубровским имением, принадлежащим генерал-аншефу Кирилу Петрову сыну Троекурову, состоящим** губернии в сельце Кистеневке, мужеска пола** душами, да земли с душами и угодьями** десятин.

……

По рассмотрении какого дела и учиненной из оного и из законов выписки в ** уездном суде **определено**:

Как из дела сего видно, что генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров на означенное спорное имение, находящееся ныне во владении у гвардии поручика Андрея Гаврилова сына Дубровского, состоящее в сельце Кистеневке, по нынешней… ревизии всего мужеска пола ** душ, с землею и угодьями, представил подлинную купчую на продажу оного покойному отцу его, провинциальному секретарю, который потом был коллежским асессором, в 17… году из дворян канцеляристом Фадеем Спицыным, и что сверх сего сей покупщик, Троекуров, как из учиненной на той купчей надписи видно, был в том же году ** земским судом введен во владение, которое имение уже и за него отказано, и хотя напротив сего со стороны гвардии поручика Андрея Дубровского и представлена доверенность, данная тем умершим покупщиком Троекуровым титулярному советнику Соболеву для совершения купчей на имя отца его, Дубровского, но по таковым сделкам не только утверждать крепостные недвижимые имения, но даже и временно владеть по указу… воспрещено, к тому ж и самая доверенность смертию дателя оной совершенно уничтожается. Но чтоб сверх сего действительно была по оной доверенности совершена где и когда на означенное спорное имение купчая, со стороны Дубровского никаких ясных доказательств к делу с начала производства, то есть с 18… года, и по сие время не представлено. А потому сей суд и полагает:

означенное имение, ** душ, с землею и угодьями, в каком ныне положении тое окажется, утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа Троекурова; о удалении от распоряжения оным гвардии поручика Дубровского и о надлежащем вводе во владение за него, г. Троекурова, и об отказе за него, как дошедшего ему по наследству, предписать ** земскому суду. А хотя сверх сего генерал-аншеф Троекуров и просит о взыскании с гвардии поручика Дубровского за неправое владение наследственным его имением воспользовавшихся с оного доходов. Но как оное имение, по показанию старожилых людей, было у г. г. Дубровских несколько лет в бесспорном владении, и из дела сего не видно, чтоб со стороны г. Троекурова были какие-либо до сего времени прошения о таковом неправильном владении Дубровскими оного имения, к тому по уложению велено, ежели кто чужую землю засеет или усадьбу загородит, и на того о неправильном завладении станут бити челом, и про то сыщется допрямо, тогда правому отдавать тую землю и с посеянным хлебом, и городьбою, и строением, а посему генерал-аншефу Троекурову в изъявленном на гвардии поручика Дубровского иске отказать, ибо принадлежащее ему имение возвращается в его владение, не изъемля из оного ничего. А что при вводе за него оказаться может всё без остатка, предоставя между тем генерал-аншефу Троекурову, буде он имеет о таковой своей претензии какие-либо ясные и законные доказательства, может просить где следует особо. Каковое решение напред объявить как истцу, равно и ответчику, на законном основании, апелляционным порядком, коих и вызвать в сей суд для выслушания сего решения и подписки удовольствия или неудовольствия чрез полицию.

Каковое решение подписали все присутствующие того суда.

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под *решением* суда совершенное свое удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднес ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему свое приглашение подписать свое полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния[54] чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции[55] куда следует. Дубровский молчал… Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу,

пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь Божию! прочь, хамово племя!» Потом, обратясь к Кирилу Петровичу: «Слыхано дело, ваше превосходительство, – продолжал он, – псари вводят собак в Божию церковь! собаки бегают по церкви. Я вас ужо проучу…» Сторожа сбежались на шум и насилу им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постеле; уездный лекарь, по счастию не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, приставить пиявки и шпанские мухи[56]. К вечеру ему стало легче, больной пришел в память. На другой день повезли его в Кистеневку, почти уже ему не принадлежащую.

Глава III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского всё еще было плохо. Правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребенком, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и кроме ее не имел ни с кем сношения. Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряженьях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всем молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находящегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистеневскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано

или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей, Гриша, его камердинер, подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочел следующее:

> «Государь ты наш, Владимир Андреевич, – я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровье папенькином. Он очень плох, иногда заговаривается и весь день сидит как дитя глупое, а в животе и смерти Бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начало Кирилу Петровичу Троекурову, потому что мы-дескать ихние, а мы искони ваши и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. Остаюсь твоя верная раба, нянька
>
> *Орина Егоровна Бузырева.*
>
> Посылаю мое материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот уже друга неделя и пастух Родя помер около Миколина дня».

Владимир Дубровский несколько раз сряду перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезен в Петербург на восьмом году своего возраста; со всем тем он романически был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться ее тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глупой старухи и дворни, угрожаемого каким-то бедствием и угасающего без помощи в мучениях телесных и душевных. Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца писем и не подумал о нем осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах.

Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, оставшись один, написал просьбу об отпуске, закурил трубку и погрузился в

глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уж на большой дороге.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистеневку. Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне, глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошел к смотрителю[57] и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистеневки, ожидали его уже четвертые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкою. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему до земи, сказал ему, что старый его барин еще жив, и побежал запрягать лошадей. Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтрака и спешил отправиться. Антон повез его проселочными дорогами, и между ими завязался разговор.

– Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

– А Бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич… Барин, слышь, не поладил с Кирилом Петровичем, а тот и подал в суд, хотя почасту он сам себе судия. Не наше холопье дело разбирать барские воли, а ей-богу, напрасно батюшка ваш пошел на Кирила Петровича, плетью обуха не перешибешь.

– Так видно этот Кирила Петрович у вас делает что хочет?

– И вестимо, барин: заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник[58] у него на посылках. Господа съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут.

– Правда ли, что отымает он у нас имение?

– Ох, барин, слышали так и мы. На днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот ужо приберет вас к рукам Кирила Петрович. Микита-кузнец и сказал ему: и, полно, Савельич, не печаль кума, не мути гостей. Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы Божии да государевы; да ведь на чужой рот пуговицы не нашьешь.

– Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

– Во владение Кирилу Петровичу! Господь упаси и избави: у него часом и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкурку, да и мясо-то отдерет. Нет, дай Бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж Бог его приберет,

так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем. – При сих словах Антон размахнул кнутом, тряхнул вожжами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался снова размышлениям. Прошло более часа, вдруг Гриша пробудил его восклицанием: «Вот Покровское!» Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер[59] огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезями. Дубровский узнал сии места; он вспомнил, что на сем самом холму играл он с маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обещала быть красавицей. Он хотел об ней осведомиться у Антона, но какая-то застенчивость удержала его.

Подъехав к господскому дому, он увидел белое платье, мелькающее между деревьями сада. В это время Антон ударил по лошадям и, повинуясь честолюбию, общему и деревенским кучерам, как и извозчикам, пустился во весь дух через мост и мимо села. Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел березовую рощу и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нем забилось. Перед собою видел он Кистеневку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Березки, которые при нем только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращен был в некошеный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изоб и окружила молодого барина с шумными изъявлениями радости. Насилу мог он продраться сквозь их усердную толпу и взбежал на ветхое крыльцо; в сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника. «Здорово, здорово, няня, – повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, – что батюшка, где он? каков он?»

В эту минуту в залу вошел, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

– Здравствуй, Володька! – сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего. Радость произвела в

больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддержал его.

– Зачем ты встал с постели, – говорила ему Егоровна, – на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди.

Старика отнесли в спальню. Он силился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове, и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражен был его состоянием. Он расположился в его спальне и просил оставить его наедине с отцом. Домашние повиновались, и тогда все обратились к Грише и повели в людскую, где и угостили его по-деревенскому, со всевозможным радушием, измучив его вопросами и приветствиями.

Глава IV

Где стол был яств, там гроб стоит[60].

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения; у Андрея Гавриловича не было поверенного. Разбирая его бумаги, нашел он только первое письмо заседателя и черновой ответ на оное; из того не мог он получить ясное понятие о тяжбе и решился ожидать последствий, надеясь на правоту са́мого дела.

Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Владимир предвидел его скорое разрушение и не отходил от старика, впадшего в совершенное детство.

Между тем положенный срок прошел, и апелляция не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его высокопревосходительству вступить во владение новоприобретенным имением – самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтоб его выбранить, но не нашед достаточного к тому предлога, сказал ему сердито: «Пошел вон, не до тебя».

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал

расхаживать взад и вперед, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противуположные чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние наконец восторжествовали. Он решился помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальной у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражен был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся… и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» – кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», – сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

– Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора… пошел! – Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками. «Батюшка ты наш, – сказала она пискливым голосом, – погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас». – «Молчи, няня, – сказал с сердцем Владимир, – сейчас пошли Антона в город за лекарем». – Егоровна вышла.

В передней никого не было, все люди сбежались на двор смотреть на Кирила Петровича. Она вышла на крыльцо и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его сидя на дрожках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня шумно толковала о сем происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: «Не надобно лекаря, батюшка скончался».

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенес его Владимир; правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь, не было уж и признака жизни в сем теле, еще не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили труп, оставленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, сшитый еще в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

Вопросы и задания

▸**1.** Прочитайте роман полностью.

2. Познакомьтесь с одним из вариантов плана романа.

«Ссора. Суд. Смерть.

Пожар. Учитель. Праздник. Объяснение.

Кн. Верейский visite. 2 visite. Сватовство. Свидание.

Письмо перехваченное. Свадьба, отъезд. Команда, сражение. Распущенная шайка.

* * *

Жизнь Марьи Кириловны. Смерть князя Верейского. Вдова. Англичанин. Свидание. Игроки. Полицмейстер. Развязка».

Какие пункты этого плана нашли воплощение в романе?

▸▸**1.** Найдите в романе все, что сказано о внешности главного героя. Попробуйте объяснить характер портретного описания и расширьте этот словесный портрет.

2. Какие эпизоды романа вы считаете кульминационными? Назовите и перескажите их.

3. Какую роль в сюжете романа играют письма и записки героев?

▸▸▸**1.** Подготовьте краткий пересказ сюжета романа.

2. Расскажите о дружбе старшего Дубровского и Троекурова. Что ее породило? Почему она так трагически прервалась?

3. Расскажите о главном герое как можно подробней.

О нем часто говорят: «романтический герой». Как вы понимаете эту оценку? Как можно ее использовать при описании Владимира Дубровского?

4. Попробуйте поработать над одной из групповых характеристик: дворовых Дубровских; гостей Троекуровых; подьячих, которые приехали исполнять судебное решение.

5. Можно ли этот роман назвать любовным романом или перед нами не только история отношений двух героев, но и картина помещичьей жизни эпохи? Докажите свою правоту, привлекая текст романа.

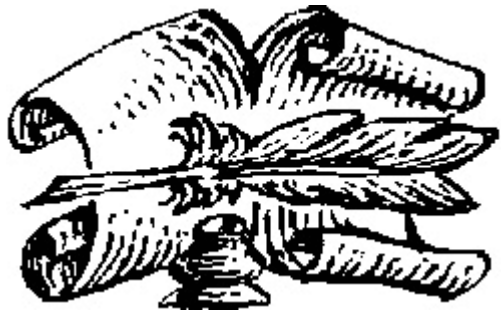
6. Как объяснить, что только в главе IV первого тома романа есть эпиграф?

Итоговые вопросы и задания

1. Запишите в тетради все известные вам произведения А. С. Пушкина. Определите жанр каждого.

2. Сравните свои записи с тем, что написали одноклассники, и на основе общих наблюдений сделайте вывод о жанре пушкинских произведений. Назовите эти жанры.

Из истории романа



Первоначально романом называли всякое произведение, написанное на романском языке в противоположность тем, которые были написаны на языке латинском. Это большое по объему произведение вытеснило героическую эпопею, в которой тоже были герои и были события. Однако теперь внимание автора сосредоточено на судьбе отдельной личности, и поэтому роман часто называют эпосом частной жизни. Есть и определение романа как «эпической поэмы о борьбе личности с обществом». Конфликт между личностью и обществом превращается в «пружину», которая дает толчок сюжету. Сюжет развивается, мы ясно видим его этапы, мы можем оценить его составные части, логику его развития.

Сначала это был плутовской роман – произведение, повествующее о странствиях человека, потерявшего связь с домом, семьей, родными. Позже появились романы, разнообразные по тематике: любовные, семейно-бытовые, социально-политические, философские, исторические, биографические, фантастические и др.

С XIX века начинается мировая история реалистического романа, который обращен и к герою, и к тому обществу, которое его окружает и в конечном счете определяет его судьбу.

Размеры романов различны. Развернутые во времени и в пространстве повествования Льва Толстого, например знакомая вам трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность», велики по объему. Романы могут очень широко и многосторонне изображать общество, а могут освещать жизнь одного человека.

Однако можно дать и относительно общее определение романа. **Романом называют крупное повествовательное произведение, которое имеет сложный сюжет, большое количество героев и описывает события, которые занимают длительное время.**

Вопросы и задания

⏩**1.** Вспомните, какие романы вы читали.

2. Экранизацию каких романов смотрели вы на кино– и телеэкранах?

3. Если роман – это сложное эпическое произведение, то может ли быть в нем не один, а несколько сюжетов, связанных между собой? Подкрепите свои выводы примерами из ранее прочитанных романов.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

«Смерть Пушкина и рождение Лермонтова-трибуна неразделимы», – писал в XX веке известный русский литературовед И. Л. Андроников.

После гибели Пушкина Лермонтов написал произведение «Смерть Поэта». С этого стихотворения началась его поэтическая слава, признание того, что Пушкин оставил достойного наследника. Напечатано стихотворение было лишь в 1856 году в бесцензурном зарубежном издании «Полярная звезда», которое выпускали наши соотечественники Герцен и Огарев. В России оно появилось (и то не полностью) лишь в 1858 году.

Лермонтов в «жгучем, поэтическом ямбе первый оплакал поэта, первый кинул железный стих в лицо тем, которые ругались над памятью великого человека», – писал его современник А. В. Дружинин.

Стихотворение быстро разошлось в списках. Сам царь получил по почте один из них с надписью: «Воззвание к революции». 21 февраля 1837 года Лермонтов и Раевский, распространявший списки стихотворения, были арестованы. Уже 25 февраля Лермонтов «по высочайшему повелению» был переведен в Нижегородский драгунский полк, который в это время вел боевые действия на Кавказе.

Смерть Поэта

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример[61].
Погиб поэт! – невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде… и убит!
Убит!.. К чему теперь рыданья,

Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья?

Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь… – он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар… спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит – и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок – они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;

Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он – с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

* * *

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!
В произведении легко выделить три основные части.

Первая часть. В первых 33 строках утверждается: поэт убит. Автор определяет исторический смысл произошедшей трагедии. Это гневное обличение в убийстве. По жанру – сатира, то есть произведение, резко осуждающее то, что оно изображает. Стихотворный размер строк – четырехстопный ямб.

Вторая часть (следующие 23 строки) – лирическая часть стихотворения. Она по своему тону, общему чувству и жанру – элегия. Гнев автора находит воплощение в обилии антитез, гипербол, строк с вопросительной и восклицательной интонацией. Стихотворный размер – ямб, но свободный – в строках то четыре, то пять, а то и шесть стоп.

Последняя, третья часть (16 строк) написана Лермонтовым

позже. Обвинение, звучавшее в первой части, здесь перерастает в проклятье. Строки стихотворения Пушкина «Моя родословная» об «известной подлости» отцов, сочетающих в себе надменность и рабство, находят отзвук в этой части «Смерти Поэта». В ней вера в неотвратимость высшего суда. Эта часть по жанру – поэтическая инвектива (см. Краткий словарь литературоведческих терминов в конце учебника). Ее размер – свободный ямб.

Гибель Пушкина была трагедией для русского общества. Первым понял это и сумел гениально выразить Лермонтов. Историк искусства В. В. Стасов пишет: «Заразителен был жар, пламеневший в этих стихах. Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление».

Вопросы и задания

▸**1.** Прочитайте вновь каждую из трех частей стихотворения. Попробуйте определить общий тон, эмоциональный настрой каждой из них. Вспомните признаки таких жанров, как элегия и сатира, и найдите доказательства того, что две части стихотворения несут приметы сатиры, а одна – элегии.

2. Как Лермонтов характеризует Поэта в первой части? Найдите слова, которые создают его облик.

3. Определите важнейшую антитезу в первой части стихотворения.

4. Найдите антитезу во второй части стихотворения. Как она связана с антитезой, которая отчетливо рисуется в строках первой части?

▸▸**1.** Опишите облик убийцы Поэта словами стихотворения. Дайте свой комментарий к этим строкам.

2. Вторая часть стихотворения написана ямбом. Определите, сколько стоп в каждой из 23 строк. Чему способствует свобода использования разного количества стоп в этой части? Чем отличается стихотворный размер первой и второй частей?

3. Какие художественные приемы способствовали созданию такого грозного поэтического обличения?

▸▸▸**1.** Почему именно третья часть, написанная позже, вызвала гнев властей? Найдите наиболее резкие обличительные строки. Против кого они направлены?

Военная служба Лермонтова началась с того дня, когда он был зачислен в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров унтер-офицером лейб-гвардии гусарского полка. Это произошло 14 ноября 1832 года, а 22 ноября 1837 года он был выпущен корнетом лейб-гвардии гусарского полка. Именно в это время было написано стихотворение «Смерть Поэта». Гусары отнеслись сочувственно к своему товарищу, отправляемому в действующую армию за обличительные стихи.

Период первой ссылки был важен для становления личности поэта. В этот период растет его желание уйти в отставку. Благодаря хлопотам бабушки Лермонтова перевели в Гродненский гусарский полк, который был расположен в Нижегородской губернии. Он исправно служил и дважды получал короткие отпуска для поездок в Петербург. Во время одной из них произошла дуэль с Э. Барантом, за которую его вновь перевели в действующую армию на Кавказ.

Тенгинский пехотный полк, в который его зачислили, действовал на наиболее опасных участках. После того как был ранен командир одной из частей, Лермонтов стал командовать сотней конных бойцов, которых в дальнейшем именовали лермонтовским отрядом. За отвагу в постоянных походах и сражениях и участие в битве на реке Валерик он был представлен сначала к золотой сабле, а затем еще к двум наградам с правом перевода в гвардию. Он погиб, так и не узнав, что его вычеркнули из всех представлений к награде.

Надеясь на быструю отставку, Лермонтов едет в отпуск в Петербург. Возвращаясь в часть, он заезжает на лечение в Пятигорск, где встречает своего знакомого Мартынова. Между ними происходит ссора, а затем дуэль, которая состоялась 15 июля 1841 года близ Пятигорска, у подножия горы Машук. Лермонтов был убит выстрелом в грудь.

Один современник писал в связи с этой трагедией: «Несчастная судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом – десять пошляков преследуют его до смерти».

Необыкновенно короткая и насыщенная жизнь Лермонтова подобна взрыву. Его творческий путь – это напряженный поиск идеала. Создавая, например, реалистические произведения, такие как «Смерть Поэта», с узнаваемой картиной гибели, с точными характеристиками виновников трагедии, Лермонтов вновь и вновь возвращается к романтическим образам. Можно даже сказать, что критический взгляд на реальную жизнь усиливал желание поэта создавать романтических героев и романтические сюжеты.

Среди жанров лирики Лермонтова чаще всего встречаются **элегии**, **романсы**, **песни**, а также то, что поэт называет **«мелодиями»**. В более поздней лирике появляются **стансы**.

Большое место занимают в его творчестве лироэпические жанры: **поэма** и **баллада**. Даже неоконченная «Сказка для детей», конечно, не сказка, а поэма. Так, знакомое вам стихотворение «Бородино» – баллада.

Вопросы и задания

⏩**1.** Найдите в томе стихов Лермонтова одно из произведений с названием, которое определяет жанр, и решите, точно ли соблюдены поэтом требования этого жанра.

2. Прочитайте и поразмышляйте над некоторыми стихотворениями Лермонтова, жанр которых не указан. Определите их жанр.

3. Внимательно прочитайте несколько стихотворений, жанр которых обозначен поэтом. Обратите внимание на жанровые особенности, это поможет вам более выразительно исполнить произведения перед классом.

Элегия

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живят хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

Вопросы и задания

1. Юный поэт создал в 1829 году грустное стихотворение. Что дает автору право назвать его элегией?

1. Каким размером написано это стихотворение? Какие рифмы в нем использованы?

Романс

Стояла серая скала на берегу морском;
Однажды на чело ее слетел небесный гром.
И раздвоил ее удар, – и новою тропой
Между разрозненных камней течет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, – но всё они хранят
Союза прежнего следы, глубоких трещин ряд.

Так мы с тобой разлучены злословием людским,
Но для тебя я никогда не сделаюсь чужим.
И мы не встретимся опять, и если пред тобой
Меня случайно назовут, ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое… и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никак из памяти своей
Не только чувств и слов моих – минуты прежних дней!..

Вопросы и задания

1. Как можно охарактеризовать общее настроение, которое передает романс?

1. Определите прием, который организует композицию стихотворения.

2. Какие художественные приемы использованы в строках романса?

Песня

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.

Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
Велела,
Велела
Судьба мне любовь от него оторвать
И деву забыть, хоть тому не бывать.

Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;
У сердца
И девы
Одно лишь страданье, один лишь предмет:
Ему счастья надо, ей надобен свет.

Вопросы и задания

1. Как вы поняли сюжет этой песни?

2. Попробуйте обрисовать героев стихотворения и их чувства.

3. Как вы объясняете необычность оформления строк

песни?

1. Докажите принадлежность этого стихотворения к жанру песни.

Стансы

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моленья
Ее слезу очам моим:
Так, зря Спасителя мученья,
Невинный плакал херувим[62].

Вопросы и задания

1. Какие тропы использовал поэт в этих стансах?

2. Определите, какова основная мысль каждой строфы и какова общая тема стихотворения.

Нет, я не Байрон, я другой…

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит,
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы:
Я – или Бог – или никто!

Вопросы и задания

▸**1.** Лермонтов сравнивает свою судьбу с судьбой английского поэта. Оба они предстают как романтические странники, переживающие конфликт с самим собой и целым миром. Можете ли вы доказать, что здесь речь идет о четком осознании поэтом неповторимости своего творчества?

2. Сочетание таких характеристик, как «неведомый избранник», «с русскою душой», должно убедить читателя в сложности судьбы поэта. Какие еще приемы помогают убедиться в этом?

3. Лермонтов любит использовать в своих стихотворениях контраст, антитезу. Найдите ее в строках стихотворения.

4. Рифмующиеся слова всегда несут высокую смысловую нагрузку. Какая пара рифмующихся слов кажется вам наиболее существенной в этом стихотворении?

▸▸▸**1.** Найдите стихотворения, в которых поэт вспоминает о Байроне и сравнивает свою судьбу с его судьбой.

2. Определите жанр этого стихотворения.

Новогодние мадригалы и эпиграммы

Бухариной

Не чудно ль, что зовут вас Вера?
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..
Поверить стоит раз… но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,
Закона веры не забудешь
И старовером прослывешь!

Трубецкому

Нет! мир совсем пошел не так;
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: ты дурак, —
За комплимент уж принимают!
Всё то, на чем ума печать,
Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть!

Алябьевой

Вам красота, чтобы блеснуть,
Дана;
В глазах душа, чтоб обмануть,
Видна!..
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?

Вы не знавали князь Петра…

Вы не знавали князь Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами – но не головою.

Задание

Отнесите каждый из этих текстов к конкретному жанру и докажите свою точку зрения.

Эпитафия

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;

И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

Вопросы и задания

⏩**1.** Попробуйте создать описание того человека, о котором говорится в эпитафии.

2. Найдите среди стихов поэта еще одну эпитафию. Сравните их. Каков общий настрой этих стихотворений? Дайте определение жанру «эпитафия».

Поэма – один из центральных жанров творчества Лермонтова. Он создал около 30 поэм, но опубликовал всего три: «Песню про… купца Калашникова», «Тамбовскую казначейшу» и «Мцыри». Если мы будем просматривать летопись творчества Лермонтова, то увидим, что почти каждый год поэт создавал новую поэму.

1828–1829 – «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар», «Преступник», «Олег», «Два брата».

1830–1831 – «Две невольницы», «Джюлио», «Исповедь», «Последний сын вольности», «Азраил», «Ангел смерти», «Каллы».

1832 – «Измаил-Бей», «Моряк», «Литвинка».

1833–1834 – «Хаджи Абрек», «Аул Бастунджи».

1835–1836 – «Боярин Орша», «Сашка».

1837–1838 – «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Тамбовская казначейша», «Беглец».

1839 – «Мцыри», «Демон» (последняя редакция).

1840 – «Сказка для детей».

Мцыри [63]

Замысел поэмы «Мцыри» зрел у Лермонтова давно. Уже в 1831 году в одной из заметок читаем: «Написать записки молодого монаха 17-ти лет. – С детства он в монастыре; кроме священных книг не читал. – Страстная душа томится. – Идеалы…» Лермонтов воплотил в образе главного героя свой «любимый идеал». «Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью», – написал В. Г. Белинский.

Лермонтов, как рассказывал П. Висковатый, странствуя в 1837 году по старой Военно-Грузинской дороге, во Мцхете «наткнулся на одинокого монаха… узнал от него, что он родом горец, плененный ребенком генералом Ермоловым…». Генерал вез его с собою, но оставил заболевшего мальчика в монастыре, в котором тот и вырос. Ребенок постоянно тосковал и пытался бежать. Во время одной из попыток тяжело заболел и навсегда остался в монастыре. История в те времена была обычная. Известно, что художник П. З. Захаров таким же образом попал в Россию. Именно генерал Ермолов отвез его в Тифлис. Лермонтов мог знать и эту историю.

В поэме «слышны» отзвуки фольклора народов Кавказа. Схватка с барсом – центральный эпизод поэмы основан на мотивах грузинской народной поэзии. Существует 14 вариантов записи древней грузинской песни «Юноша и тигр». Этот эпизод нашел отражение и в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Лермонтов колебался при выборе названия поэмы. Даже в год окончания (1839) рукописи он назвал ее «Бэри», уточнив в примечаниях, что «бэри – по-грузински монах». Однако включенная в сборник стихотворений поэма вышла под названием «Мцыри». Некоторые исследователи предполагают, что роль сыграло и то, что в грузинском языке это слово означает еще и «пришелец», «чужеземец», «человек, не имеющий родных, близких».

Свидетельство об окончании поэмы оставил А. Н. Муравьев: «Песни и поэмы Лермонтова гремели повсюду… Мне случилось однажды, в Царском Селе, уловить лучшую минуту его вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. „Что с тобою?“ – спросил я. „Сядьте и слушайте“, – сказал он, и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала и до конца, всю свою великолепную поэму „Мцыри“, которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера». Сохранились свидетельства и о том, что Лермонтов читал свою поэму в день именин Гоголя в Москве

в доме литератора Погодина 9 мая 1840 года.

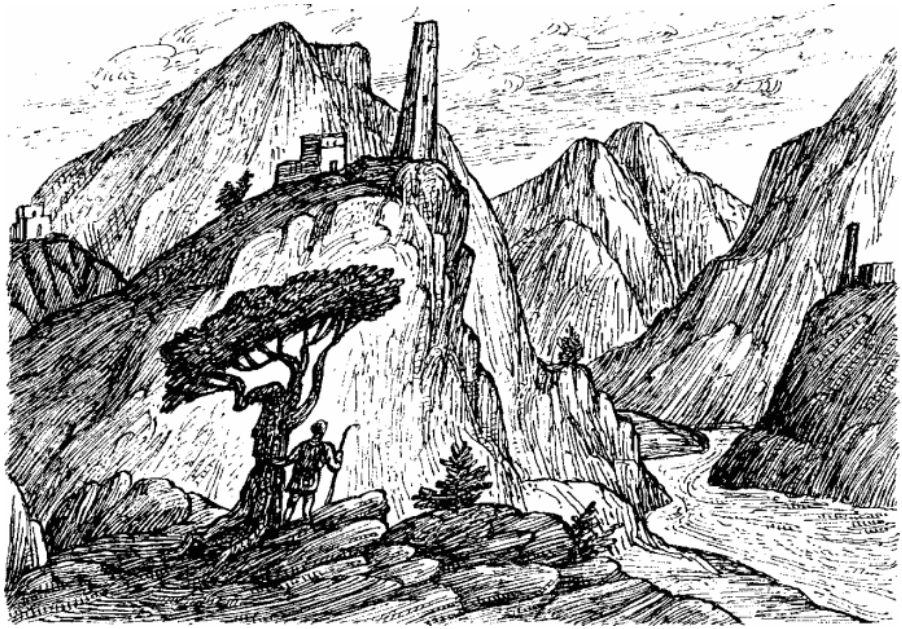
Мцыри

Вкушая, вкусих мало меда, и
се аз умираю.

1-я Книга Царств

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой – и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.



* * *

И Божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон

Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.

Из жалости один монах
Больного призрел[64], и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.

Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец[65]
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов „отец“ и „мать“.
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен.
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других

Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ – могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод… Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, – я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? – Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежею толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятья каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтиться никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты.
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней…

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов

И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножон
Кинжалов длинных… и как сон
Все это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер…
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей…
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касалися крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил – и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы

На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил…
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго – где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудою камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою…
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвел Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,

Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы – им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз – за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг – голос – легкий шум шагов…
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд

И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры[66]
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, – когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох… больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, – но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;

Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь…
И затворилася опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, – мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне…
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятья жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне… но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.

Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Все лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста…
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой…
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал… Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил – клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной

Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры… и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, – и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови… да, рука судьбы
Меня вела иным путем…
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг… и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил…
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек…
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружье… Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я – и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык…
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз…
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно – и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит

И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной…
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал…
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И все зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на Божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унесть в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал – это страшный сон…
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут все ясно стало мне…
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых

Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца – будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь…
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила… Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, все ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия…
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок…

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет… Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах…

23

И было все на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко…
До них мне было далеко!

Хотел я встать – передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать – язык сухой
Беззвучен и недвижим был…
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки – и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь…
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне…
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны…
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок…
И надивиться я не мог:
Ее сребристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: „Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

Я созову своих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою…“

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил…

24

Так я найдён и поднят был…
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

25

Прощай, отец… дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне…
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму

И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой…
Но что мне в том? – пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют…
Увы! – за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял…

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенесть меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста…
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком…
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну…
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

Вопросы и задания

▶**1.** Сначала у поэмы был иной эпиграф: «У каждого есть одно отечество», но потом Лермонтов заменил его на тот, который вы видите во всех изданиях: «Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю». Эта цитата из Библии (1-я Книга Царств). Как вы можете объяснить значение каждого из этих эпиграфов?

2. Определите в поэме место исповеди Мцыри.

3. Перечитайте две первые и две последние строфы. Какую роль играет обрамление в этом произведении?

4. Монолог Мцыри состоит из двух частей: в главах (строфах) 3–8 перед нами собственно исповедь, а в главах 9–26 – рассказ о днях, проведенных на воле. Что отличает эти части друг от друга?

▶▶**1.** Четырехстопный ямб с мужской рифмой «звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву, – пишет В. Г. Белинский. – Упругость, энергия и звучное, однообразное падение его удивительно гармонируют с сосредоточенным чувством, несокрушимою силою могучей натуры и трагическим положением героя поэмы». Найдите строфы, которые бы с особой силой подтвердили это суждение великого критика.

2. Какую роль играет звук монастырского колокола в поэме?

▶▶▶**1.** Опишите три дня, которые провел Мцыри на воле. Не пропустите упоминания о мире живой природы – о ветре, птицах, зверях.

2. Битва с барсом признана кульминацией поэмы. Докажите это.

3. «Что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри!» – утверждал В. Г. Белинский. Попробуйте доказать правильность этого суждения.

4. Как объяснить, что мир природы то друг, то враг отважному беглецу?

5. Можно ли в описании каждого из трех дней побега найти доказательства неизбежности поражения героя и в то же время утверждение его духовной мощи?

6. В поэме «Мцыри» – романтический сюжет, романтические герои и романтический пейзаж. Подтвердите это.

7. Рисунки на тему «Мцыри» принадлежат И. Е. Репину, Н. Н. Дубовскому, Ф. Д. Константинову, П. П. Кончаловскому, Л. О. Пастернаку, И. М. Тоидзе и

другим художникам. Какие из них вам знакомы и привлекают точностью отражения замысла поэта?

8. Фрагменты поэмы были положены на музыку М. А. Балакиревым, А. С. Даргомыжским, А. П. Бородиным, А. С. Аренским и другими композиторами. Что вам удалось послушать? Каковы ваши впечатления?

9. Попробуйте доказать точность утверждения В. Г. Белинского, что Мцыри – «любимый идеал нашего поэта».

Итоговые вопросы и задания

1. Творчество Лермонтова повлияло на последующую литературу не только содержанием, но и своей ритмико-мелодической выразительностью. Так, огромную популярность приобрели многие его стихотворения, которые звучали ораторским монологом. Обычно отмечают влияние Лермонтова на произведения Некрасова. Попробуйте вспомнить уже знакомые вам произведения Некрасова, в которых есть такое сходство.

2. Сравните элегии Пушкина и Лермонтова. Что в них общего и что отличает эти стихотворения? Почувствовали вы разницу в мироощущении, отношении к жизненным невзгодам этих двух поэтов?

3. Существует «Словарь рифм Лермонтова» (см. «Лермонтовскую энциклопедию»). Попробуйте создать словарик рифм из двух первых строф поэмы «Мцыри».

4. Лермонтов широко использовал трехсложные размеры. Но он в совершенстве владел и двусложными размерами в их самых разных вариантах. Определите размер и количество стоп в строке в стихотворении «Звезда».

Звезда

Вверху одна
Горит звезда;
Мой взор она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечет

И с высоты
Меня зовет!
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда
Он был далек.
Усталых вежд
Я не смыкал
И без надежд
К нему взирал!

5. «Портреты» – серия из шести юношеских стихотворений поэта, написанных в жанре «словесного портрета». Очевидно, эти словесные зарисовки предназначались для «угадывания», кого изобразил автор. Современные специалисты пока «опознали» лишь первый и второй портреты.

В одном из стихотворений цикла, как показалось одной читательнице, Лермонтов изобразил себя. В автографе стихотворения есть позднейшая приписка поэта: «Этот портрет был доставлен одной девушке; она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта». Попробуйте решить, прав ли Лермонтов, отрицая сходство, или все-таки девушка была права.

Портреты

1

Он не красив, он не высок;
Но взор горит, любовь сулит;
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты, сомкнуты ль они:

Лиют без слов язык богов!..
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной!
Не любит он и славы дым:
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь!..

Всё проклял он как лживый сон,
Как призрак дымныя мечты.
Холодный ум, средь мрачных дум,
Не тронут слезы красоты.
Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так бури ток сухой листок
Мчит жертвой посреди степей!..

Из истории поэмы

История поэмы уходит в далекое прошлое. Многие ученые считают, что сложившийся в древности эпос и был далеким предшественником сегодняшних поэм. «Илиада» и «Одиссея», приписываемые Гомеру, повествовали о событиях, которые происходили задолго до жизни их автора. За героическим эпосом Гомера последовал поучающий слушателя эпос Гесиода «Труды и дни» о жизни крестьянства и о том, как она должна протекать.

Вслед за греческим эпосом появился эпос римский: «Энеида» Вергилия о странствиях Энея, затем «Метаморфозы» Овидия.

Эти огромные по размеру стихотворные произведения были звучны и торжественны. Почтительно и серьезно относились к ним слушатели. По «Илиаде» и «Одиссее» поколения греков учили своих детей.

Но наряду с исполненными торжественности произведениями уже на рубеже VI–V веков до н. э. возникают и пародии на них. Рядом с «Илиадой» и «Одиссеей» появляется и пользуется любовью слушателей шутливая «Батрахомиомахия» («Война мышей и лягушек»), в которой на смену пафосу с характерным для него высоким слогом пришел комизм с низкой простонародной лексикой.

Торжественные эпические произведения создавались и в России в XVIII веке. Это «Россияда» и «Владимир Возрожденный» М. М. Хераскова.

К XIX веку жанр громоздких и высокопарных эпических поэм устарел. Стали создаваться более легкие по сюжету поэмы. «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина – поэма-сказка, завершившая жанровые поиски этого периода в нашей литературе.

«Жанровую революцию» в поэме совершил Байрон. Он ввел в нее элементы лирики, сократил объем, уменьшил число персонажей, поставив во главе сюжета романтического героя.

В России романтические поэмы создает А. С. Пушкин

(«Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы»), К. Ф. Рылеев пишет «Войнаровского», Е. А. Баратынский – поэмы «Эда», «Бал», «Цыганка». «Песня про… купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова замыкает обращение к романтическому сюжету.

В творчестве Пушкина поэма обретает новые формы: историко-драматическая «Полтава», шутливый «Домик в Коломне» и стихотворная повесть «Медный всадник».

Русская литература XIX века богата прекрасными поэмами. Это «Портрет» и «Дракон» А. К. Толстого; «Параша» И. С. Тургенева; «Саша», «Русские женщины», «Мороз, Красный нос», «Коробейники», «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова.

XX век также внес много нового в жанр поэмы: меняется структура, роль лирического героя – «Соловьиный сад», «Двенадцать» А. А. Блока, «Облако в штанах», «Хорошо!», «Владимир Ильич Ленин» В. В. Маяковского, «Поэма без героя» А. А. Ахматовой, «Василий Теркин» А. Т. Твардовского… Близки к жанру поэмы лирико-публицистические циклы современных поэтов Е. А. Евтушенко и А. А. Вознесенского.

Лироэпические произведения

Существование различных родов художественных произведений предполагает существование и пограничных явлений, то есть таких произведений, которые знаменуют собой переход одного рода в другой.

Так, в балладе и поэме мы видим героев и сюжет, как в эпическом произведении, но в то же время их строки доносят до нас чувства и оценки автора, открытое и откровенное выражение которых свойственно лирическим произведениям. Например, в поэме «Руслан и Людмила» мы следим за судьбами героев и постоянно слышим голос автора, его эмоционально яркий и часто иронический комментарий. Подобное явление в нашем читательском сознании происходит и тогда, когда мы обращаемся к балладе. Голос автора сопровождает трагические события сюжетов «Лесного царя», «Перчатки» и других баллад.

Произведения, в которых сочетается эпос и лирика, повествование о поступках и переживаниях героев прерывается авторскими отступлениями, называются лироэпическими.

Вопросы и задания

1. Назовите признаки эпоса и лирики в балладе Жуковского «Светлана» и поэме Лермонтова «Мцыри».

2. Найдите в поэме «Руслан и Людмила» строки, которые автор адресует непосредственно своему читателю.

3. Какие рыцарские доблести утверждает баллада «Роланд-оруженосец»? Как доказать, что их утверждение выражает позицию автора?

4. Какие стихотворные произведения, которые вы

хорошо знаете, имеют сложный сюжет и много героев? Назовите эти жанры. Можно ли их отнести к лироэпическим произведениям? (Если у вас возникнут трудности при ответе на этот вопрос, обращайтесь к словарю в конце учебника-хрестоматии.)

5. Определите общие и отличительные черты таких жанров, как поэма и баллада.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852)

Николай Васильевич Гоголь в «Авторской исповеди» писал: «Первые мои опыты, первые упражнения в сочиненьях, к которым я получил навык в последнее время пребыванья моего в школе, были почти все в лирическом и серьезном роде. Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим…» После смерти писателя в своеобразном поэтическом некрологе Н. А. Некрасов напишет: «Он проповедовал любовь враждебным словом отрицанья».

Первые повести Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» были живыми и радостными картинами жизни. Но от поэтической прозы, от повестей Гоголь обратился к драматургии. Работая над своим главным трудом – поэмой «Мертвые души», он просил Пушкина дать ему сюжет для комедии. И сюжет был дан. В «Авторской исповеди» читаем, что «мысль „Ревизора“ принадлежит Пушкину».

В воспоминаниях графа В. А. Соллогуба об этом написано подробнее: «Пушкин рассказал Гоголю про случай, бывший в городе Устюжине Новгородской губернии, о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей. Кроме того, Пушкин, сам будучи в Оренбурге, узнал, что о нем получена гр. В. А. Перовским секретная бумага, в которой Перовский предостерегался, чтоб был осторожен, так как история пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был „Ревизор“, коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом».

Сам Гоголь повторил эту ситуацию, сознательно ее организовав. По пути из Киева в Москву он и его товарищ высылали вперед своего третьего спутника-однокашника, который говорил на станциях, что следом едет ревизор. «Когда Гоголь с Данилевским появлялись на станциях, их принимали всюду с необыкновенной любезностью. В подорожной Гоголя значилось: адъюнкт-профессор, что принималось обыкновенно сбитыми с толку смотрителями чуть ли не за адъютанта Его Императорского Величества» – так записано у В. И. Шенрока в материалах для биографии Гоголя. Он считает, что это была «оригинальная репетиция „Ревизора“».

Созданная за короткий срок комедия не была первым драматическим произведением Гоголя. В 1833 году писатель работал над «Владимиром 3-й степени» («Владимир» – один из орденов той поры), затем – над «Игроками» и «Женитьбой». Однако эти пьесы будут завершены много позже, в 1842 году.

Интерес к сцене, к театральному действу Гоголь проявлял с детства. Его отец с увлечением выступал на домашней сцене, приверженность к театру самого Гоголя была очевидна еще в школьные годы. Один из его соучеников позже рассказывал, что, будучи театралом, никогда не видел более блистательной госпожи Простаковой из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», чем та, которую умел изобразить шестнадцатилетний Гоголь на гимназической сцене.

Первым драматическим произведением Гоголя, которое увидела публика, стал «Ревизор».

Требовательность автора к своему произведению была чрезвычайной. Он не только наблюдал за зрителями в зале театра, не только сам предварительно читал пьесу, но и сопроводил ее массой поясняющих, раскрывающих смысл комментариев. Это и «Театральный разъезд после представления новой комедии», и многочисленные приложения к «Ревизору». Сам характер печатного оформления текста комедии «Ревизор» отчасти демонстрирует заботу автора о постановке и исполнении пьесы и о читателе, который к ней обратится. В пьесе есть не только афиша – перечень действующих лиц, но и специальные, предшествующие тексту рекомендации под названием «Характеры и костюмы», каких вы не найдете ни в какой другой пьесе. При этом в тексте очень лаконичны ремарки, сопровождающие действие.

Эпиграф, предваряющий текст комедии, был использован при одной из театральных постановок. Игорь Ильинский, ставя комедию в Малом театре в Москве, поместил его над занавесом, который имитировал зеркало. Зрители вновь и вновь могли перечитывать эпиграф («На зеркало неча пенять, коли рожа крива») и при этом наблюдать за происходящим на сцене – своим отражением в зеркале.

Ревизор

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица

Действующие лица

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.
Жена его.
Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.
Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений.
Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.
Петр Иванович Добчинский, Петр Иванович Бобчинский – городские помещики.
Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.
Осип, слуга его.
Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.
Федор Андреевич Люлюков, Иван Лазаревич Растаковский, Степан Иванович Коробкин – отставные чиновники, почетные лица в городе.
Степан Ильич Уховертов, частный пристав.
Свистунов, Пуговицын, Держиморда – полицейские.
Абдулин, купец.
Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.
Жена унтер-офицера.
Мишка, слуга городничего.
Слуга трактирный.
Гости и гостьи, купцы, мещане, просители.

Характеры и костюмы

Замечания для господ актеров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого, начавшего тяжелую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженые, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполовину на романах и

альбомах, вполовину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, – один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьезно, смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его – серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом – как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся пред глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно

произвесть электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Действие первое

Комната в доме городничего.

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито[67]. И еще с секретным предписаньем.

Аммос Федорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи Боже! еще и с секретным предписаньем!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*) … и уведомить тебя». А! вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки…» (*остановясь*), ну, здесь свои… «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито… Вчерашнего дни я…» Ну, тут уж

пошли дела семейные: «…сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрыпке…» – и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое… необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздохнув.*) До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что; Россия… да… хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того… вы не… Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предуведомил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные

заведения – и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке… это уж по вашей части, Христиан Иванович, – всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа… Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, – лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завесть его? только, знаете, в таком месте неприлично… Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш… он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, – это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерианцы[68] напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам – рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим – взятки.

Аммос Федорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль…

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы… О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо… не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, – это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может

произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова – это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах – еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хвать стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал… Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек – или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи Бог служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего, – инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» – «Ляпкин-Тяпкин». – «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» – «Земляника». – «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

Явление II

Те же и **почтмейстер**.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко… Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю (*берет его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю… Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслажденьем прочтешь – так описываются разные пассажи… а назидательность какая… лучше, чем в «Московских ведомостях»!

Городничий. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем: есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом… очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпиреях[69]: барышень много, музыка играет, штандарт[70] скачет…» – с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и – шасть…

Явление III

Те же, **Бобчинский** и **Добчинский**, оба входят запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что, что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу…

Бобчинский (*перебивая*). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу…

Добчинский (*перебивая*). Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я… позвольте, позвольте… вы уж и слога такого не имеете…

Добчинский. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул.

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, – так я тогда же забежал… уж, пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович! Я уж все, все, все знаю-с. Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да,

идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем…

Добчинский (*перебивая*). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Петр Иванович уж услыхали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинский (*перебивая*). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (*отводя его руки*). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву… Уж вы, Петр Иванович… энтого… не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: «Зайдем, говорит, в трактир. В желудке-то у меня… с утра я ничего не ел, так желудочное трясение…» – да-с, в желудке-то у Петра Ивановича… «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек…

Добчинский (*перебивая*). Недурной наружности, в партикулярном платье[71]…

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение… физиономия… поступки, и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Петр-то Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» – а Влас и отвечает на это: «Это», – говорит… Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы пришепетываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом… «Это, говорит, молодой человек, чиновник, – да-с, – едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. «Э!» – говорю я Петру Ивановичу…

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! – сказали мы с Петром Ивановичем. – А с какой стати сидеть ему

здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить нотицию[72], – ревизор.

Городничий (*в страхе*). Что вы, Господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная[73] прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу, он… Такой наблюдательный: все обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу, – больше потому, что Петр Иванович насчет своего желудка… да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живет?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина.

Городничий. Две недели! (*В сторону.*) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношенье! (*Хватается за голову.*)

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? – ехать парадом в гостиницу.

Аммос Федорович. Нет, нет! Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»…

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал. Авось Бог вынесет и теперь. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый черт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идем, идем, Аммос Федорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп[74] давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос.

Аммос Федорович. А я на этот счет покоен. В самом деле, кто зайдет в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку – а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.

Явление IV

Городничий, **Бобчинский**, **Добчинский** и **квартальный**.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу… или нет, постой! Ступай принеси… Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (*хватаясь за голову*). Ах, Боже мой, Боже мой! Ступай скорее на улицу, или нет – беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедем!

Бобчинский. И я, и я… позвольте и мне, Антон Антонович!

Городничий. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком

побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щелочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки…

Городничий (*принимая шпагу, к квартальному*). Беги сейчас возьми десятских, да пусть каждый из них возьмет… Эк шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин – видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице… черт возьми, по улице – по метле! и вымели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вымели бы чисто… Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадешь в ботфорты серебряные ложечки, – смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым – а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

Явление V

Те же и **частный пристав**.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да Бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, – поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын… он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, Боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город! только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор – черт их знает

откудова и нанесут всякой дряни! (*Вздыхает.*) Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли? – чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия… О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. (*Берет вместо шляпы футляр.*) Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! Едем, Петр Иванович! (*Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.*)

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий (*бросая коробку*). Коробка так коробка. Черт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами – и правому и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович! (*Уходит и возвращается.*) Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходят.

Явление VI

Анна Андреевна и **Марья Антоновна** вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, Боже мой!.. (*Отворяя дверь.*) Муж! Антоша! Антон! (*Говорит скоро.*) А все ты, а все за тобой. И пошла копаться: «Я булавочку, я косынку». (*Подбегает к окну и кричит.*) Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости – после? Я не хочу после… Мне только одно слово: что он, полковник? А? (*С пренебрежением.*) Уехал! Я тебе вспомню это! А все эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А все проклятое кокетство; услышала, что почтмейстер здесь, и давай

пред зеркалом жеманиться; и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? Все равно чрез два часа мы все узнаем.

Анна Андреевна. Чрез два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что чрез месяц еще лучше можно узнать! (*Свешивается в окно.*) Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты все бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, все женихи сидят. А? Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побеги расспроси, куда поехали; да расспроси хорошенько: что за приезжий, каков он, – слышишь? Подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее! (*Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.*)

Действие второе

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Явление I

Осип лежит на барской постели.

Черт побери, есть так хочется, и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы.

Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны[75]; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка[76] простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки – вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатях да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдет на правду, так

житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит: пойдешь на Щукин[77] – купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел – ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая… фу, фу, фу! (*Усмехается и трясет головою.*) Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливого слова никогда не услышишь, всякий тебе говорит «вы». Наскучило идти – берешь извозчика и сидишь себе как барин, а не хочешь заплатить ему – изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать – и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеятр билет, а там через неделю, глядь – и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка… Ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублев полтораста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего – нипочем идут. А отчего? – оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? (*Со вздохом.*) Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идет. (*Поспешно схватывается с постели.*)

Явление II

Осип и **Хлестаков**.

Хлестаков. На, прими это. (*Отдает фуражку и тросточку.*) А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся; видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков (*ходит по комнате*). Посмотри, там в картузе[78] табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков (*ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом*). Послушай… эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (*громким, но не столь решительным голосом*). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (*голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе*). Вниз, в буфет… Там скажи… чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так; все равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот еще вздор!

Осип. «Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не плотит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой – плут. Мы-де, говорит, этаких шерамыжников[79] и подлецов видали».

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне все это.

Осип. Говорит: «Этак всякий приедет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобою, чтоб на съезжую да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь…

Хлестаков. Ну, ступай, черт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

Явление III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли аппетит, – нет, черт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает[80]. Всего каких-нибудь четверть часа посидел – и все обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться. Случай только не привел. Какой скверный городишко! В овошенных лавках ничего не дают в долг. Это уж просто подло. (*Насвистывает сначала из «Роберта», потом «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни се ни то.*) Никто не хочет идти.

Явление IV

Хлестаков, **Осип** и **трактирный слуга**.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаков. Ну что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, – видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою… Он думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

Явление V

Хлестаков один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить этаким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади, одеть в ливрею. Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?» А лакей входит (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, как я…» (*Потирает руки и подшаркивает ножкой.*) Тьфу! (*плюет*) даже тошнит, так есть хочется.

Явление VI

Хлестаков, **Осип**, потом **слуга**.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (*прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле*). Несут! несут! несут!

Слуга (*с тарелками и салфеткой*). Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин… Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это, в самом деле, такое!.. Этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру двое каких-то коротеньких человека ели семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уж нет.

Хлестаков. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросенок ты скверный… Как же они едят, а я не ем? Отчего же я, черт возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. (*Наливает суп и ест.*) Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкусу нет, только воняет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков (*защищая рукою кушанье*). Ну, ну, ну… оставь, дурак! Ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую… (*Ест.*) Боже мой, какой суп! (*Продолжает есть.*) Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. (*Режет курицу.*) Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. (*Режет жаркое.*) Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Черт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. (*Ест.*) Мошенники, канальи, чем они кормят! И челюсти заболят, если съешь один такой кусок. (*Ковыряет пальцем в зубах.*) Подлецы! Совершенно как деревянная кора, ничем вытащить нельзя; и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! (*Вытирает рот салфеткой.*) Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

Явление VII

Хлестаков, потом **Осип**.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип (*входит*). Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков (*испугавшись*). Вот тебе на! Эка бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж, если благородным образом, я, пожалуй… нет, нет, не хочу! Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой… Нет, не хочу… Да что он, как он смеет в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? (*Бодрится и выпрямливается.*) Да я ему прямо скажу: «Как вы смеете, как вы…» (*У дверей вертится ручка; Хлестаков бледнеет и съеживается.*)

Явление VIII

Хлестаков, **городничий** и **Добчинский**. Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (*немного оправившись и протянув руки по швам*). Желаю здравствовать!

Хлестаков (*кланяется*). Мое почтение…

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего…

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений…

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать!.. Я не виноват… Я, право, заплачу… Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп – он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морил голодом по целым дням… Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я… Вот новость!

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не виноват. На

рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то… Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть – в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я… Я служу в Петербурге. (*Бодрится.*) Я, я, я…

Городничий (*в сторону*). О Господи ты Боже, какой сердитый! Все узнал, все рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой – не пойду! Я прямо к министру! (*Стучит кулаком по столу.*) Что вы? что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие… не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот еще! мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния… Сами извольте посудить: казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (*В размышлении.*) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове… Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко… Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с которой стороны и приняться. Ну, да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни… у меня это вдруг… Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я-таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (*К городничему и Добчинскому.*) А что же вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (*Добчинскому.*) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня… (*Добчинскому.*) Садитесь.

Городничий и Добчинский садятся. **Бобчинский** выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы[81]: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший прием, – и вот как будто в награду случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить! (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с

ним нужно ухо востро. (*Вслух.*) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлеченье для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (*в сторону*). Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплел! (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности; душа моя жаждет просвещения.

Городничий (*в сторону*). Славно завязал узелок! Врет, врет – и нигде не оборвется! А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил его. Ну, да постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! (*Вслух.*) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. (*Окидывает глазами комнату.*) Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенный гость, и терпит – от кого же? – от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно. Хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придет фантазия сочинить что-нибудь, – не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас… но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостоин, недостоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул… У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная… Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь… Не рассердитесь – ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж жена обрадуется! У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства, особливо если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже – я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

Явление IX

Те же и **трактирный слуга**, сопровождаемый **Осипом**. **Бобчинский** выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счет.

Слуга. Я уж давича подал вам другой счет.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори, сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили семги и потом пошли все в долг брать.

Хлестаков. Дурак! еще начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождет. (*Слуге.*) Пошел вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. (*Прячет деньги.*)

Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.

Явление X

Городничий, **Хлестаков**, **Добчинский**.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то – богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел…

порядок какой…

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы, – рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы осмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены: в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий (*Добчинскому*). Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий (*тихо Добчинскому*). Слушайте: вы побегите, да бегом, во все лопатки, и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. (*Хлестакову.*) Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же?.. А впрочем, тут и чернила, только бумаги – не знаю… Разве на этом счете?

Городничий. Я здесь напишу. (*Пишет и в то же время говорит про себя.*) А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика[82] да бутылки толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. (*Написавши, отдает Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицания. Бобчинский подымается.*)

Хлестаков. Что? не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только сверх носа небольшая нашлепка! Я забегу к Христиану Ивановичу: у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдет.

Городничий (*делая Бобчинскому укорительный знак, Хлестакову*). Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйте! А слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. (*Осипу.*)

Любезнейший, ты перенеси все ко мне, к городничему, – тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! (*Пропускает вперед Хлестакова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому*.) Уж и вы! не нашли другого места упасть! И растянулся, как черт знает что такое. (*Уходит; за ним Бобчинский.*)

Занавес опускается.

Действие третье

Комната первого действия.

Явление I

Анна Андреевна, **Марья Антоновна** стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уж целый час дожидаемся, а все ты с своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно копаться… Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да, право, маменька, чрез минуты две все узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. (*Всматривается в окно и вскрикивает.*) Ах, маменька, маменька! кто-то идет, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идет? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идет. Кто же это идет? Небольшого роста… во фраке… Кто ж это? а? Это, однако ж, досадно! Кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маменька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? Тебе всегда вдруг вообразится этакое… Совсем не Добчинский. (*Машет платком.*) Эй вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот, нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе – не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу, – из чего же ты споришь? (*Кричит в окно.*) Скорей, скорей! вы тихо идете. Ну что, где они? А? Да говорите же оттуда – все равно. Что? очень строгий? А? А муж, муж? (*Немного отступя от окна, с досадою.*)

Такой глупый: до тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!

Явление II

Те же и **Добчинский**.

Анна Андреевна. Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совестно ли вам? Я на вас одних полагалась, как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда же за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам? Я у вас крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевесть. Мое почтение, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович!

Анна Андреевна. Ну что? Ну, рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто он такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу: такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну, расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с; сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме; но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменил мысли, и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения… А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться? ведь вы не служите.

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну, что ж… это все, однако ж, вздор. Расскажите, каков он собою? что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек; лет двадцати трех; а говорит совсем так, как старик: «Извольте, говорит, я поеду и

туда, и туда…» (*размахивает руками*) так это все славно. «Я, говорит, и написать и почитать люблю, но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно».

Анна Андреевна. А собой каков он: брюнет или блондин?

Добчинский. Нет, больше шантрет[83], и глаза такие быстрые, как зверьки, так в смущенье даже приводят.

Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке? (*Читает.*) «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие Божие, за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек…» (*Останавливается.*) Я ничего не понимаю: к чему же тут соленые огурцы и икра?

Добчинский. А, это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: там какой-то счет был написан.

Анна Андреевна. А, да, точно. (*Продолжает читать.*) «Но, уповая на милосердие Божие, кажется, все будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский…» Ах, Боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Добчинский (*бежит и кричит в дверь*). Мишка! Мишка! Мишка!

Мишка входит.

Анна Андреевна. Послушай: беги к купцу Абдулину, постой, я дам тебе записочку (*садится к столу, пишет записку и между тем говорит*): эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Абдулину и принес оттуда вина. А сам поди сейчас прибери хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее.

Добчинский. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обозревает.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! я не держу вас.

Явление III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеял. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. Право, говоришь – лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вам нейдет палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдет?

Марья Антоновна. Нейдет, я что угодно даю, нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

Анна Андреевна. Вот хорошо! а у меня глаза разве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! Как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ах, маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. (*Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценой.*) Этакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое!

По уходе их отворяются двери, и **Мишка** выбрасывает из них сор. Из других дверей выходит **Осип** с чемоданом на голове.

Явление IV

Мишка и **Осип**.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда!

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш.

Осип. Барин? Да какой он генерал?

Мишка. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж, это больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка там что-нибудь поесть.

Мишка. Да для вас, дядюшка, еще ничего не готово. Простова блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простова-то что у вас есть?

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! Ничего, все будем есть. Ну, понесем чемодан! Что, там другой выход есть?

Мишка. Есть.

Оба несут чемодан в боковую комнату.

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит **Хлестаков**; за ним **Городничий**, далее **попечитель богоугодных заведений**, **смотритель училищ**, **Добчинский** и **Бобчинский** с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку – они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей то есть пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (*подбегая*). Лабардан-с[84].

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С

тех пор как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероятным, – все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки… словом, наиумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение Богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи Боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольно?..» Наградит ли оно или нет – конечно, в его воле; по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало… то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же Бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

Бобчинский (*Добчинскому*). Справедливо, все справедливо, Петр Иванович! Замечания такие… видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (*в сторону*). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападает, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал[85] вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же… Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь[86] тогда, как нужно гнуть от трех углов… ну, тогда конечно… Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Те же, **Анна Андреевна** и **Марья Антоновна**.

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуясь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастие; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет… Я думаю, вам после столицы вояжировка[87] показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить comprenez vous[88], в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества… Если б, признаюсь, не такой случай, который меня… (*посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней*) так вознаградил за все…

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне…

Хлестаков. Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки… Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только – тр, тр… пошел писать. Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за

мною со щеткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Городничий. Чин такой, что еще можно постоять.
Артемий Филиппович. Мы постоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!
Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.
} Вместе.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемонии. Напротив, я даже стараюсь всегда проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться; никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идет!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики… Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» – «Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то все…» Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма»[89]. Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат „Надежды“» и «Московский телеграф»[90]… все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин[91] дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда: это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз – в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж – скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель…» Что ж я вру – я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит… А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж… ж… ж… Иной раз и министр…

Городничий и прочие с робостью встают с своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, – куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, – нет, мудрено. Кажется и легко на вид, а рассмотришь – просто черт возьми! После видят, нечего делать, – ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры… можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? – я спрашиваю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя, ну да и послужной список тоже… «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю,

так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо востро! уж я…» И точно: бывало, как прохожу через департамент, – просто землетрясенье, все дрожит и трясется, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам Государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого… я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш… (*Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.*)

Городничий (*подходя и трясясь всем телом, силится выговорить*). А ва-ва-ва… ва…

Хлестаков (*быстрым, отрывистым голосом*). Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва… ва…

Хлестаков (*таким же голосом*). Не разберу ничего, все вздор.

Городничий. Ва-ва-ва… шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и все, что нужно.

Хлестаков. Вздор – отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош… Я доволен, я доволен. (*С декламацией.*) Лабардан! лабардан! (*Входит в боковую комнату, за ним городничий.*)

Явление VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский (*Добчинскому*). Вот это, Петр Иванович, человек-то! Вот оно, что значит человек! В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: Государственный-то совет как прижал? Пойдем расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка!

Оба уходят.

Артемий Филиппович (*Луке Лукичу*). Страшно просто. А отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что, как проспится да в Петербург махнет донесение? (*Уходит в задумчивости вместе с смотрителем училищ, произнеся*): Прощайте, сударыня!

Явление VIII

Анна Андреевна и **Марья Антоновна**.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое… Ах, как хорошо! Я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила – все на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя, да и полно! Где ему смотреть на тебя? И с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А, – говорит себе, – дай уж посмотрю на нее!»

Явление IX

Те же и **городничий**.

Городничий (*входит на цыпочках*). Чш… ш…

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? (*Задумывается.*) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит… Так вот, право, чем больше думаешь… черт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видела в нем образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы – женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все – финтирлюшки! Вдруг брякнут ни из того ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое… (*Посматривает на дочь.*)

Городничий (*один*). Ну, уж с вами говорить!.. Эка в самом деле оказия! До сих пор не могу очнуться от страха! (*Отворяет дверь и говорит в дверь.*) Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания.*) Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький – как его узнаешь, кто он? Еще военный все-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку – ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давича в трактире, заламливал такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да еще наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

Явление X

Те же и **Осип**. Все бегут к нему навстречу, кивая пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий (*жене и дочери*). Полно, полно вам! (*Осипу.*) Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип (*в сторону*). А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит, после еще лучше накормят. (*Вслух.*) Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он…

Городничий. Да перестаньте, пожалуйста! Вы этакими пустыми речами только мне мешаете. Ну что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоем барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, Боже мой, вы всё с своими глупыми расспросами! не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтоб все было в исправности.

Городничий. А мне очень нравится твое лицо. Друг, ты должен быть хороший человек. Ну что…

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а как барин твой там, в мундире ходит, или…

Городничий. Полно вам, право, трещотки какие! Здесь нужная вещь: дело идет о жизни человека. (*К Осипу.*) Ну что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик, – оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

Осип (*принимая деньги*). А покорнейше благодарю, сударь. Дай Бог вам всякого здоровья! бедный человек, помогли ему.

Городничий. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг…

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?

Марья Антоновна. Осип, душенька! какой миленький носик у твоего барина!..

Городничий. Да постойте, дайте мне!.. (*К Осипу.*) А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает

внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

Осип. Любит он, по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Городничий. Хорошее?

Осип. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! Бывало, заедем куда-нибудь: «Что, Осип, хорошо тебя угостили?» – «Плохо, ваше высокоблагородие!» – «Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду». – «А, – думаю себе (*махнув рукою*), – Бог с ним! я человек простой».

Городничий. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? (*Прячет деньги.*) Разве уж выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осип, ко мне, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.

Городничий. Чш! (*Поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса.*) Боже вас сохрани шуметь! Идите себе! полно уж вам…

Анна Андреевна. Пойдем, Машенька! я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоем только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай, – и уши потом заткнешь. (*Обращаясь к Осипу.*) Ну, друг…

Явление XI

Те же, **Держиморда** и **Свистунов**.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи – стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас черт таскает?

Держиморда. Был по приказанию…

Городничий. Чш! (*Закрывает ему рот.*) Эк как каркнула ворона! (*Дразнит его.*) Был по приказанию! Как из бочки, так рычит. (*К Осипу.*) Ну, друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина. Все, что ни есть в доме, требуй.

Осип уходит.

А вы – стоять на крыльце, и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то… Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! (*Показывает ногою.*) Слышите? Чш… чш… (*Уходит на цыпочках вслед за квартальными.*)

Действие четвертое

Та же комната в доме городничего.

Явление I

Входят осторожно, почти на цыпочках: **Аммос Федорович**, **Артемий Филиппович**, **почтмейстер**, **Лука Лукич**, **Добчинский** и **Бобчинский**, в полном параде и мундирах. Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович (*строит всех полукружием*). Ради Бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и Государственный совет распекает! Стройтесь на военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Петр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну, известно что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Федорович. Опасно, черт возьми! раскричится: государственный человек. А разве в виде приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: «вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

Артемий Филиппович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех

глаз и того… как там следует – чтобы и уши не слыхали. Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну, вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Аммос Федорович. Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет, и язык как в грязь завязнул. Нет, господа, увольте, право, увольте!

Артемий Филиппович. Да, Аммос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон[92] с языка слетел.

Аммос Федорович. Что вы! что вы: Цицерон! Смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке…

Все (*пристают к нему*). Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении… Нет, Аммос Федорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович!

Аммос Федорович. Отвяжитесь, господа!

В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицания.

Голос Бобчинского. Ой, Петр Иванович, Петр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние – совсем прижали!

Выхватываются несколько восклицаний: «Ай, ай!» – наконец все выпираются, и комната остается пуста.

Явление II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне

угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы… Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

Явление III

Хлестаков и **Аммос Федорович**.

Аммос Федорович (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, Боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. (*Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.*) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Федорович. С восемьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьею?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени с одобрения со стороны начальства. (*В сторону.*) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени уже не так.

Аммос Федорович (*высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону*). Господи Боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович (*потерявшись и роняя на пол ассигнации*). Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович (*дрожа всем телом*). Никак нет-с. (*В сторону.*) О Боже, вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков (*подымая*). Да, это деньги.

Аммос Федорович (*в сторону*). Ну, все кончено – пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Федорович (*поспешно*). Как же-с, как же-с… с большим удовольствием. (*В сторону.*) Ну, смелее, смелее! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се… Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте, как можно! и без того это такая честь… Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству… постараюсь заслужить… (*Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.*) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Федорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности.

Аммос Федорович (*раскланиваясь и уходя, в сторону*). Ну, город наш!

Хлестаков (*по уходе его*). Судья – хороший человек!

Явление IV

Хлестаков и **почтмейстер**, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно – ну что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон[93] и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*В сторону.*) А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне, – не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. (*Глядя в глаза ему, говорит про себя.*) А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! (*Вслух.*) Какой странный со мною

случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастие. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*Встает, вытягивается и придерживает шпагу.*) Не смею долее беспокоить своим присутствием… Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(*Раскуривая сигарку.*) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

Явление V

Хлестаков и **Лука Лукич**, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Лука Лукич (*вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу*). Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? (*Подает ему сигару.*)

Лука Лукич (*про себя, в нерешимости*). Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. (*Подает ему свечу.*)

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукич (*от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя*). Черт побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу,

никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся – брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь! Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить… (*В сторону.*) Ну, и сам не знаю, что говорю.

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели! Видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла… преос… сият… (*В сторону.*) Продал проклятый язык, продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Лука Лукич (*хватаясь за карманы, про себя*). Вот те штука, если нет! Есть, есть! (*Вынимает и подает, дрожа, ассигнации.*)

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич (*вытягиваясь и придерживая шпагу*). Не смею долее беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич (*летит вон почти бегом и говорит в сторону*). Ну, слава Богу! авось не заглянет в классы!

Явление VI

Хлестаков и **Артемий Филиппович**, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник

Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я – признаюсь, это моя слабость, – люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. (*Помолчав.*) Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (*Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.*) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются… извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был пред моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами, – конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, – поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов… И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища… Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное… Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что ж, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они… как они того?..

Артемий Филиппович. То есть, не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и

Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определенного на священные обязанности… (*Раскланивается с тем, чтобы уйти.*)

Хлестаков (*провожая*). Нет, ничего. Это все очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время… Я это очень люблю. (*Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.*) Эй вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы – рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

Явление VII

Хлестаков, **Бобчинский** и **Добчинский**.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали? Что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава Богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад… (*Вдруг и отрывисто.*) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков (*громко и скоро*). Взаймы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения[94].

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (*шаря в карманах*). У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-то получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в

прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну, все равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это все равно. (*Принимает деньги.*)

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака.

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть оно так только говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем, то есть законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не обеспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой… большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Я об этом постараюсь, я буду говорить… я надеюсь… все это будет сделано, да, да… (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. (*Выпровожает их.*)

Явление VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки – пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадет на зубок, – берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот… Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот… Ого! за тысячу перевалило… Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

Явление IX

Хлестаков и **Осип** с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? (*Начинает писать.*)

Осип. Да, слава Богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков (*пишет*). А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора.

Хлестаков (*пишет*). Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька – ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровен час, какой-нибудь другой наедет… ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные – так бы закатили!..

Хлестаков (*пишет*). Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли… И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатили

славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков (*пишет*). Ну, хорошо. Отнеси только наперед это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтоб лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря, катили и песни бы пели!.. (*Продолжает писать.*) Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху…

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хлестаков (*пишет*). Хорошо. Принеси только свечу.

Осип (*выходит и говорит за сценой*). Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег; да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаков (*продолжает писать*). Любопытно знать, где он теперь живет – в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и недоплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. (*Свертывает и надписывает.*)

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

(*Дает Осипу письмо.*) На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип (*глядя в окно*). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (*подходя к окну*). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(*Принимает из окна просьбы, развертывает одну из них и читает*:) «Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина…» Черт знает что: и чина такого нет!

Явление X

Хлестаков и **купцы** с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости!

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да все от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду и говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы то есть чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке – мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало – ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мне». Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец[95] не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать – это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, все будет

хорошо, лишь бы то есть от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне взаймы рублей триста – ну, тогда совсем дело другое: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! (*Вынимают деньги.*) Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: взаймы – я ни слова, я возьму.

Купцы (*подносят ему на серебряном подносе деньги*). Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет, я взяток никаких…

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек! Подавай все! все пойдет впрок. Что там? веревочка? Давай и веревочку, – и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы то есть не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? (*Подходит к окну.*) А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков (*в окно*). Пропустить ее.

Явление XI

Хлестаков, **слесарша** и **унтер-офицерша**.

Слесарша (*кланяясь в ноги*). Милости прошу…

Унтер-офицерша. Милости прошу…

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петровна Пошлепкина, отец мой…

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему Бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибытку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал, мошенник, сделал – побей Бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся[96] к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж? он уж тебе не годится». Да я-то знаю – годится или не годится; это мое дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да все равно, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! Чтоб всей родне твоей не довелось видеть света Божьего! А если есть теща, то чтоб и теще…

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (*Выпроваживает старуху.*)

Слесарша (*уходя*). Не позабудь, отец наш! будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла…

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафт. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там еще? (*Подходит к окну.*) Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! (*Отходя.*) Надоели, черт возьми! Не впускай, Осип!

Осип (*кричит в окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею в перспективе показывается несколько других.

Пошел, пошел! чего лезешь? (*Упирается первому руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.*)

Явление XII

Хлестаков и **Марья Антоновна**.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (*рисуется*). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который… Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька…

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисуется*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела… Вы никак не можете мне помешать, никаким образом не можете; напротив того, вы можете принесть удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю… мне так нужно было идти. (*Села.*)

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только

посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек… Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё этакое говорите… Я бы вас попросила, чтобы вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все что хотите. Требуйте, какие стихи вам?

Марья Антоновна. Какие-нибудь этакие – хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их…

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!..» Ну и другие… теперь не могу припомнить; впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда… (*Придвигая стул.*)

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь… я никогда и не знала, что за любовь… (*Отдвигает стул.*)

Хлестаков (*придвигая стул*). Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна (*отдвигаясь*). Для чего ж близко? все равно и далеко.

Хлестаков (*придвигаясь*). Отчего ж далеко? все равно и близко.

Марья Антоновна (*отдвигается*). Да к чему ж это?

Хлестаков (*придвигаясь*). Да ведь это вам кажется только, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна (*смотрит в окно*). Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков (*целует ее в плечо и смотрит в окно*). Это сорока.

Марья Антоновна (*встает в негодовании*). Нет, это уж слишком… Наглость такая!..

Хлестаков (*удерживая ее*). Простите сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку… (*Силится уйти.*)

Хлестаков (*продолжая удерживать ее*). Из любви, право, из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. (*Падает на колени.*) Простите же, простите! Вы видите, я на коленях.

Явление XIII

Те же и **Анна Андреевна**.

Анна Андреевна (*увидев Хлестакова на коленях*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, черт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька…

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! И не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление…

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте! здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях! Я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей дочери?

Хлестаков. Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде… я замужем.

Хлестаков. Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: «Законы осуждают». Мы удалимся под сень струй… Руки вашей, руки прошу!

Явление XIV

Те же и **Марья Антоновна**, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы… (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (*сквозь слезы*). Я, право, маменька, не знала…

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие – перед тобою мать твоя. Вот каким примером ты должна следовать.

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в нее?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала как сумасшедшая. Ну вот, право, сто́ит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастия.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперед не буду.

Явление XV

Те же и **городничий** впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша – мне не до нее!

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны… им вот этакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю… Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостоин такой чести.

Хлестаков. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я черт знает что готов…

Городничий. Не могу верить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан, в самом деле! Ну когда тебе толкуют?

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, Боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь… я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас Бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. Городничий смотрит на них.

Что за черт! в самом деле! (*Протирает глаза.*) Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! (*Вскрикивает, подпрыгивает от радости.*) Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона, как дело-то пошло!

Явление XVI

Те же и **Осип**.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо… я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть… вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это… На одну минуту только… на один день к дяде – богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя… нет, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! (*Целует ее ручку.*)

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? (*Немного подумав.*) А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста, – я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, – так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! (*Вынимает из бумажника.*) Еще, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! (*Берет и рассматривает ассигнации.*) Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! Очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца: мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька Марья Антоновна!

Выходят.

За сценой:

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей Марья Антоновна!

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит

от рессор.

Голос ямщика. Тпр…

Голос городничего. Так по крайней мере чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую, вынь ковер самый лучший – что по голубому полю, персидский. Скорей!

Голос ямщика. Тпр…

Голос городничего. Когда же прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голос Осипа. А, это ковер? давай его сюда, клади вот так! Теперь давай-ка с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр…

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! еще! хорошо. Славно будет. (*Бьет рукою по ковру.*) Теперь садитесь, ваше благородие!

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос ямщика. Эй вы, залетные!

Колокольчик звенит. Занавес опускается.

Действие пятое

Та же комната.

Явление I

Городничий, **Анна Андреевна** и **Марья Антоновна**.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось – просто из какой-нибудь городничихи и вдруг… фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако

ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна, какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полета, черт побери! Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там?

Входит **квартальный**.

А, это ты, Иван Карпович! Призови-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня? Вишь ты, проклятый иудейский народ! Постойте ж, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь Бог послал городничему, – что выдает дочь свою не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете еще не было, что может все сделать, все, все, все!

Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, черт возьми! Уж когда торжество, так торжество!

Квартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, я думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит, так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничий. А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию[97] повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна: красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж конечно голубую лучше.

Городничий. Э? вишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? – потому что, случится, поедешь куда-нибудь – фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, всё дожидается:

все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там – стой, городничий! Хе, хе, хе! (*Заливается и помирает со смеху.*) Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты ездишь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские… Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да, хорошо, когда ты был городничим. А там ведь жизнь совершенно другая.

Городничий. Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре[98], чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. (*Зажмуривает глаза и нюхает.*) Ах, как хорошо!

Явление II

Те же и **купцы**.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! жаловаться? Что, много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что…

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничий (*с неудовольствием*). А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? А? что теперь скажете? Теперь я вас… у!.. обманываете народ… Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе еще награду за это? Да если б знали, так бы тебе… И брюхо сует вперед: он купец; его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да

дворянин… ах ты, рожа! – дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? – начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче наша» не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать хотел на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович! Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! Вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? – оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы (*кланяются в ноги*). Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. Не погуби! Теперь: не погуби! А прежде что? Я бы вас… (*Махнув рукой.*) Ну, да Бог простит! полно! Я не памятозлобен; только теперь смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтоб поздравление было… понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару… Ну, ступай с Богом!

Купцы уходят.

Явление III

Те же, **Аммос Федорович**, **Артемий Филиппович**, потом **Растаковский**.

Аммос Федорович (*еще в дверях*). Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастие?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастием. Я душевно обрадовался, когда услышал. (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Анна Андреевна! (*Подходя к ручке Марьи Антоновны.*) Марья Антоновна!

Растаковский (*входит*). Антона Антоновича поздравляю. Да продлит Бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*)

Явление IV

Те же, **Коробкин с женою**, **Люлюков**.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к ее ручке.*)

Жена Коробкина. Душевно поздравляю вас, Анна Андреевна, с новым счастием.

Люлюков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щелкает языком с видом удальства.*) Марья Антоновна! Имею честь поздравить. (*Подходит к ее ручке и обращается к зрителям с тем же удальством.*)

Явление V

Множество **гостей** в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке **Анны Андреевны**, говоря: «Анна Андреевна!» – потом к **Марье Антоновне**, говоря: «Марья Антоновна!» **Бобчинский** и **Добчинский** проталкиваются.

Бобчинский. Имею честь поздравить!
Добчинский. Антон Антонович! имею честь поздравить!
Бобчинский. С благополучным происшествием!
Добчинский. Анна Андреевна!
Бобчинский. Анна Андреевна!

Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.

Добчинский. Марья Антоновна! (*Подходит к ручке.*) Честь имею поздравить. Вы будете в большом, большом счастии, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать; очень забавно будете проводить время.

Бобчинский (*перебивая*). Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай Бог вам всякого богатства, червонцев и сынка-с

этакого маленького, вон этакого-с (*показывает рукою*), чтоб можно было на ладонку посадить, да-с! Все будет мальчишка кричать: уа! уа! уа!..

Явление VI

Еще несколько **гостей**, подходящих к ручкам, **Лука Лукич с женою**.

Лука Лукич. Имею честь…

Жена Луки Лукича (*бежит вперед*). Поздравляю вас, Анна Андреевна!

Целуются.

А я так, право, обрадовалась. Говорят мне: «Анна Андреевна выдает дочку». «Ах, Боже мой!» – думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот какое счастие Анне Андреевне!» «Ну, – думаю себе, – слава Богу!» И говорю ему: «Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъявить лично Анне Андреевне…» «Ах, Боже мой! – думаю себе, – Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела», – и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уже Лука Лукич говорит: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?» – «Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слезы так вот рекой и льются».

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульев.

Гости садятся.

Явление VII

Те же, **частный пристав** и **квартальные**.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Федорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом все это началось: постепенный ход всего дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственнолично сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Все чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам…» И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь – копейка; я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Марья Антоновна. Ах, маменька! ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в свое дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь…» В таких лестных рассыпался словах… И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь», – он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна, не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно… и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» – говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста!

Аммос Федорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович. Не судьба, батюшка, судьба – индейка: заслуги привели к тому. (*В сторону.*) Этакой свинье лезет всегда в рот счастье!

Аммос Федорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Федорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастию! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же… (*Чихает.*)

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад… (*Чихает.*)

Поздравительный гул; слышнее других голоса:

Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Добчинского. Продли Бог на сорок сороков!

Артемия Филипповича. Чтоб ты пропал!

Жены Коробкина. Черт тебя побери!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух… деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность… Вот и муж мой… он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, черт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай Бог получить!

Растаковский. От человека невозможно, а от Бога все возможно.

Аммос Федорович. Большому кораблю – большое плаванье.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович (*в сторону*). Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, черт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. (*Обращаясь к нему.*) Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И если что случится, например какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять этакими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует нас?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои…

Явление VIII

Те же и **почтмейстер** впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, – я узнал это из письма…

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес – вижу: «В Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, – думаю себе, – верно, нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштафетой, – но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадешь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч – по жилам огонь, а распечатал – мороз, ей-богу мороз. И руки дрожат, и все помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни се ни то; черт знает что такое!

Городничий (*запальчиво*). Как ни се ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да еще и черт знает чем? Я вас под арест…

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Ах, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую[99], волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, – думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали на шерамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий – глуп, как сивый мерин…»

Городничий. Не может быть! Там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий – глуп, как сивый мерин…»

Городничий. О, черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (продолжая читать). Хм… хм… хм… хм… «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек…» (*Оставляя читать.*) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает.*) «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьет горькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка,

которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе…и…и…и…» (*Заикается.*)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечеткое перо… впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (*Берет письмо.*)

Артемий Филиппович (*не давая письма*). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, все разборчиво.

Почтмейстер. Нет, все читайте! ведь прежде все читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (*Коробкину.*) Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. (*Отдает письмо.*) Вот, позвольте… (*Закрывает пальцем.*) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин (*читая*). «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника – совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович (*к зрителям*). И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Федорович (*в сторону*). Слава Богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин (*читает*). «Судья…»

Аммос Федорович. Вот тебе на! (*Вслух.*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и черт ли в нем: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин (*продолжает*). «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон[100]…» (*Останавливается.*) Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

Коробкин (*продолжая читать*). «А впрочем, народ

гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. (*Переворачивает письмо и читает адрес.*) Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо».

Одна из дам. Какой репримант[101] неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего… Воротить, воротить его! (*Машет рукою.*)

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; черт угораздил дать и вперед предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, черт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер (*вздыхает*). Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Федорович (*в недоумении расставляет руки*). Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий (*бьет себя по лбу*). Как я – нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул!.. Что губернаторов! (*махнул рукой*) нечего и говорить про губернаторов…

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой…

Городничий (*в сердцах*). Обручился! Кукиш с маслом – вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обрученьем!.. (*В исступлении.*) Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозит самому себе кулаком.*) Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало того что пойдешь в посмешище – найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно!.. Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы

и бить в ладоши. Чему смеетесь? – Над собою смеетесь!.. Эх вы!.. (*Стучит со злости ногами об пол.*) Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкоперы, либералы проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! в шапку туды ему!.. (*Сует кулаком и бьет каблуком в пол. После некоторого молчания.*) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего – и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артемий Филиппович (*расставляя руки*). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.

Аммос Федорович. Да кто выпустил – вот кто выпустил: эти молодцы! (*Показывает на Добчинского и Бобчинского.*)

Бобчинский. Ей-ей, не я! и не думал…

Добчинский. Я ничего, совсем ничего…

Артемий Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит…» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтобы вас черт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Федорович. Пачкуны проклятые!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Петр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того…

Бобчинский. А вот и нет; первые-то были вы.

Явление последнее

Те же и **жандарм**.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он

остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении.

Немая сцена

Городничий посередине в виде столба, с распростертыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гостьи, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выраженьем лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнесть: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение.

Занавес опускается.

Вопросы и задания

1. Какую роль играет эпиграф в этой пьесе?

2. Представьте, что вы должны поставить «Ревизора» на сцене. Какую роль в вашей подготовке сможет сыграть афиша и специальные замечания Гоголя под названием «Характеры и костюмы»? Попробуйте дать комментарий от лица исполнителя любой из ролей пьесы.

3. В каком действии происходит завязка пьесы? Чем вызвана такая затянутая экспозиция?

4. Прочитайте в лицах ту часть пьесы, которую вы считаете завязкой.

5. Попробуйте прочитать в лицах сцены, в которых

все чиновники по очереди дают взятку Хлестакову.

6. Некоторые сцены четвертого действия автор не включил в печатные издания. Среди них и явление VIII, в котором доктор богоугодных заведений Гибнер ухитряется не дать взятку Хлестакову. Почему такой сюжет был изъят автором?

7. Где в комедии развязка?

8. Какую роль в комедии играет «немая сцена»?

⏩**1.** Опишите комнату в доме городничего. Как объяснить, что по поводу ее обстановки в ремарках нет ни слова? Прочитайте ремарку в начале второго действия. Как вы объясните разницу между описанием номера в гостинице, где жил Хлестаков, и упоминанием о комнате городничего?

2. Заметили ли вы разницу между Добчинским и Бобчинским? Нужно ли зрителю ее видеть? И если не нужно, то зачем в пьесе эти забавные двойники? Какова их роль?

3. Какую сцену вы считаете кульминацией комедии?

4. Какое место в пьесе занимает сцена вранья? Какую роль пытается играть Хлестаков? Он играет ее случайно, по неожиданному капризу, или она выражает его мечты и тайные стремления?

⏩⏩**1.** Объясните, почему Гоголь создал так много дополнительных материалов, которые сопровождают эту пьесу. Это и «Театральный разъезд после представления новой комедии», и ряд других текстов: «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления „Ревизора“ к одному литератору», «Предуведомление для тех, которые пожелали бы сыграть как следует „Ревизора“».

2. Согласны ли вы с автором, что «было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней (комедии. – *Авт.*) во все продолжение ее. Это честное благородное лицо был – *смех»?*

3. Решите, кого вы считаете главным героем комедии. Подготовьте рассказ об этом герое.

4. Что вы можете рассказать о сценической истории комедии? Удалось ли вам увидеть ее на сцене театра или на киноэкране? Подготовьте доклад или сообщение об истории постановок «Ревизора» на сцене.

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883)

Вам знакомы имя Ивана Сергеевича Тургенева, некоторые его произведения, факты из биографии. Попробуем заглянуть в его творческую лабораторию.

Тургенев рано начал писать и обращался к самым разным жанрам эпоса, лирики и драматургии. В начале творческого пути он попробовал свои силы в лирике. Его произведения печатались, а романс на его стихи «Утро туманное, утро седое…» и сейчас нередко звучит в концертах. Несколько поэм были хорошо приняты читателями, а драматические произведения до сих пор можно увидеть на сцене. Комедия «Месяц в деревне» входит в репертуар многих театров.

Настоящее признание, свое место в литературе Тургенев обрел благодаря эпическим жанрам. Очерк «Хорь и Калиныч» определил его судьбу. Рассказы, повести и романы – центральная часть литературного наследия писателя. Среди рассказов Тургенева многие передают искреннее сочувствие крепостным крестьянам. Особой поэзией овеяны образы русских деревенских женщин. Он работал много и плодотворно. Словом владел легко и непринужденно. Подтверждение тому – один из фактов его биографии.

Однажды он вернулся из Берлина и в восторге рассказывал о замечательной выставке фрагментов алтаря Зевса, найденных во время Пергамских раскопок. Рассказ был так увлекателен, а надежда на то, что он его запишет и отдаст в печать, так мала, что присутствовавший редактор одного из журналов предложил запереть Тургенева в кабинете и не выпускать, пока он не подготовит рукопись. Шутка была поддержана всеми участниками вечера, и Тургенев тут же создал очерк, который вы можете прочитать.

Но даже удивительная легкость пера не делала Тургенева небрежным к каждой словесной находке. Все близкие знали о таинственном портфеле, который он никому не показывал и куда складывал материалы для будущих произведений. Это были наброски, краткие записи замыслов, даже фрагменты писем: те их строки, которые, как ему казалось, удались.

Когда Тургенев тяжело заболел, один из друзей, знавший об этом хранилище черновых материалов, просил писателя просмотреть их и издать то, что сочтет нужным. Тургенев долго не хотел этого делать, но наконец согласился. Так появились

стихотворения в прозе. Сам Тургенев дал сборнику два названия: «Стихотворения в прозе» и «Senilia» («Старческое»). В первом издании, которое было осуществлено при жизни автора, было 51 произведение. Познакомьтесь с некоторыми из них, и вам сразу станет ясно, почему они именуются стихотворениями.

Стихотворения в прозе

Собака

Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воет страшная, неистовая буря.

Собака сидит передо мною – и смотрит мне прямо в глаза.

И я тоже гляжу ей в глаза.

Она словно хочет сказать мне что-то. Она немая, она без слов, она сама себя не понимает, но я ее понимаю.

Я понимаю, что в это мгновенье и в ней и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы тождественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек.

Смерть налетит, махнет на него своим холодным широким крылом…

И конец!

Кто потом разберет, какой именно в каждом из нас горел огонек?

Нет! это не животное и не человек меняются взглядами…

Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга.

И в каждой из этих пар, в животном и в человеке – одна и та же жизнь жмется пугливо к другой.

Вопросы и задания

▸**1.** Какова тема этого стихотворения в прозе?

▸▸▸**1.** Попробуйте доказать, что это именно лирическое произведение, то есть произведение, которое эмоционально и ярко передает мысли и чувства автора.

2. Как вы объясните, почему Тургенев, создавая стихотворения в прозе, не использовал ни разбивку стихотворения на строки, ни рифмы?

Дурак

Жил-был на свете дурак.

Долгое время он жил припеваючи; но понемногу стали доходить до него слухи, что он всюду слывет за безмозглого пошлеца.

Смутился дурак и начал печалиться о том, как бы прекратить те неприятные слухи?

Внезапная мысль озарила наконец его темный умишко… И он, нимало не медля, привел ее в исполнение.

Встретился ему на улице знакомый – и принялся хвалить известного живописца…

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – Живописец этот давно сдан в архив… Вы этого не знаете? Я от вас этого не ожидал… Вы – отсталый человек.

Знакомый испугался – и тотчас согласился с дураком.

– Какую прекрасную книгу я прочел сегодня! – говорил ему другой знакомый.

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – Как вам не стыдно? Никуда эта книга не годится; все на нее давно махнули рукою. Вы этого не знаете? Вы – отсталый человек.

И этот знакомый испугался – и согласился с дураком.

– Что за чудесный человек мой друг N. N.! – говорил дураку третий знакомый. – Вот истинно благородное существо!

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – N. N. – заведомый подлец! Родню всю ограбил. Кто ж этого не знает? Вы – отсталый человек!

Третий знакомый тоже испугался – и согласился с дураком, отступился от друга.

И кого бы, что бы ни хвалили при дураке – у него на все была одна отповедь.

Разве иногда прибавит с укоризной:

– А вы все еще верите в авторитеты?

– Злюка! Желчевик! – начинали толковать о дураке его знакомые. – Но какая голова!

– И какой язык! – прибавляли другие. – О, да он талант!

Кончилось тем, что издатель одной газеты предложил дураку заведовать у него критическим отделом.

И дурак стал критиковать все и всех, нисколько не меняя ни манеры своей, ни своих восклицаний.

Теперь он, кричавший некогда против авторитетов, – сам авторитет – и юноши перед ним благоговеют и боятся его.

Да и как им быть, бедным юношам? Хоть и не следует, вообще говоря, благоговеть… но тут поди не возблагоговей – в отсталые люди попадешь!

Житье дуракам между трусами.

Вопросы и задания

1. Как вы объясните название этого стихотворения?

2. Что обеспечило дураку всеобщее признание?

3. Какие человеческие качества резко критикует автор в этом стихотворении?

4. Как бы вы назвали то чувство, которое владеет автором при рассказе о своем герое?

1. Понятна ли вам та ситуация, которая описана в этом произведении?

2. Нельзя ли последнюю фразу: «Житье дуракам между трусами» назвать моралью произведения, как это мы делаем в баснях?

Воробей

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидал молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой – и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище… но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке… Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился… Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса – и удалился, благоговея.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею,

только любовью держится и движется жизнь.

Вопросы и задания

1. Определите основную тему этого стихотворения в прозе. Найдите в тексте фразу, которая послужит доказательством ваших выводов.

1. Как вы думаете, чем Тургенева привлекла увиденная сценка?

2. Докажите, что прочитанный вами текст относится к жанру стихотворения в прозе.

Русский язык

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Вопросы и задания

1. Какой обобщающий смысл вкладывает Тургенев в понятие «русский язык»?

2. Почему «во дни тягостных раздумий о судьбах… родины» для писателя поддержкой и опорой становится родной язык?

3. Попробуйте найти подтверждения каждому из четырех определений русского языка, которые даны в первой фразе.

4. Каково значение эпитета «великий» в словосочетаниях «великий язык» и «великий народ»?

5. Определите основную тему стихотворения в прозе «Русский язык».

Николай Алексеевич Некрасов (1821–1878)

Некрасов вырос в самом сердце России на великой русской реке Волге. Однако Волга была не только прекрасной рекой, она была и рекою рабства. Если бы не произведения Н. А. Некрасова да не картина И. Е. Репина «Бурлаки на Волге», возможно, мы так и не смогли бы с достаточной ясностью представить себе тот тягостный труд, который был вечным спутником жизни народной. Нелегко жилось самому Николаю в родном дворянском гнезде: деспотизм отца, бесправное положение матери. Юношеской реакцией будущего поэта на все, что он видел, была попытка жить самостоятельно, своим трудом.

Долгие годы нищенского существования, к счастью, не сломили юношу. Он сумел добиться признания на писательском поприще, а талант предпринимателя помог ему возродить журнал «Современник», основанный Пушкиным. Но, достигнув благополучия и признания, Некрасов сохранил верность тем целям, которые с первых дней отчетливо обозначились в его творчестве: «Я лиру посвятил народу своему».

Вы читали поэму «Мороз, Красный нос», наверняка помните многие стихотворения поэта. Сейчас познакомьтесь еще с одним лирическим произведением Некрасова. Это «Размышления у парадного подъезда». Такой же подъезд Некрасов видел из своего окна. Но дело не в том, что перед вами сценка с натуры. Похожих парадных подъездов по великой Руси было множество, и поэт Некрасов пишет о страданиях и бедах людей, на которых с жестоким равнодушием взирали хозяева «роскошных палат».

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным
дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь – в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:

Прожектеры[102], искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», – говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы[103],
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: суди его Бог!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами…

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят…
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру…

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные

Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, – как дитя,
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу… герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней… Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье…
Не беда, что потерпит мужик.
Так ведущее нас провиденье
Указало… да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой,
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут… Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?

Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъездов судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурла́ки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон… Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

Вопросы и задания

1. Чему посвящено стихотворение Некрасова? Определите его основную тему.

2. Сколько частей в этом стихотворном произведении? Как вы можете объяснить их несоразмерность?

3. Можно ли дать название каждой сменяющей одна другую картине этого стихотворного произведения? Придумайте свой вариант.

4. К какому жанру вы могли бы отнести это стихотворение?

1. Найдите слова, в которых вы видите отношение автора к тому, о чем он говорит в этом стихотворении.

2. Какую роль в композиции стихотворения играет антитеза?

3. Какие строки стихотворения звучат как ораторская речь трибуна, защитника народного?

4. Определите, каким размером написано это стихотворение.

5. Какие художественные приемы особо активно использует поэт в этом стихотворении? Какие приемы устного народного творчества активно использует Некрасов?

⏩**1.** Попробуйте (устно) нарисовать две картины: «Парадный подъезд по обычным дням» и «Парадный подъезд по торжественным дням». Можете ли вы определить ключевое слово в каждой из них? Есть ли эти слова в строках стихотворения?

2. Создайте портрет «владельца роскошных палат».

3. Подготовьте рассказ о ходоках, «деревенских русских людях».

4. Вспомните стихотворения поэта. Попробуйте определить их жанр.

5. Некрасов чаще всего использовал трехсложные стихотворные размеры. Попробуйте найти примеры среди его стихотворений, написанных дактилем, амфибрахием и анапестом.

6. Какие художественные приемы фольклора использует Некрасов в своих произведениях? Какие жанры фольклора активно используются в его лирике?

Николай Семенович Лесков (1831–1895)

Тяжелое детство и юность, богатый житейский опыт дали писателю материалы, которые воплотились в литературных произведениях, свойственных его творческой манере. Он тяготел к мемуарам[104], биографиям, хроникам[105], но в то же время и к таким малым жанрам, как притча и анекдот. Лесков увлеченно изучал живую речь, и ткань его художественных произведений расцвечена необычными языковыми оборотами. Лесков утверждал, что «человек живет словами». Недаром Горький призывал писателей учиться именно у Лескова, «тонко знающего русский язык и влюбленного в его красоту».

Своеобразие взгляда на художественное слово не могло не коснуться и отношения к жанру. Сейчас вы познакомитесь с жанром **сказа**, в котором повествование строится с учетом взглядов простых людей, поэтому в сказе звучит народная речь. «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» был создан в 1881 году. Как сообщал сам писатель, история о стальной блохе выросла из народной пословицы и выражает «гордость русских мастеров ружейного дела». Все произведение – стилизация под народную словесность, фольклор.

Чувство народного языка и народного творчества у Лескова очень острое. Недаром в одном из его писем мы читаем: «Прожив изрядное количество лет, и много перечитав, и много переглядев во всех концах России, я порою чувствую себя как Микула Селянинович, которого тяготила тяга знания родной земли…»

Двадцать глав этого небольшого сказа охватывают Россию и Англию, в них действуют люди самых разных сословий. Язык сказа – язык особенный, в котором отражены и народная смекалка, и народный юмор, что особенно ярко проявляется в своеобразном переосмыслении непривычной для простого народа терминологии.

Левша. *Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе. В сокращении*

Глава первая

Когда император Александр Павлович окончил венский совет[106], то он захотел по Европе проездиться и в разных

государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели, но при нем был донской казак Платов[107], который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: так и так, и у нас дома свое не хуже есть, – и чем-нибудь отведет.

Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог вполне по-французски говорить; но он этим мало и интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А когда англичане стали звать государя во всякие свои цейгаузы[108], оружейные и мыльнопильные заводы, чтобы показать свое над нами во всех вещах преимущество и тем славиться, – Платов сказал себе:

– Ну уж тут шабаш[109]. До этих пор еще я терпел, а дальше нельзя. Сумею я или не сумею говорить, а своих людей не выдам.

И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит:

– Так и так, завтра мы с тобою едем их оружейную

кунсткамеру[110] смотреть. Там, – говорит, – такие природы совершенства, что как посмотришь, то уж больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся.

Платов ничего государю не ответил, только свой грабоватый[111] нос в лохматую бурку[112] спустил, а пришел в свою квартиру, велел денщику подать из погребца фляжку кавказской водки-кислярки, дерябнул хороший стакан, на дорожный складень[113] Богу помолился, буркой укрылся и захрапел так, что во всем доме англичанам никому спать нельзя было.

Думал: утро ночи мудренее.

Глава вторая

На другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную[114].

Приезжают в пребольшое здание – подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромадные бюстры[115], и посредине под валдахином[116] стоит Аболон полведерский[117].

Государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлен и на что смотрит; а тот идет глаза опустивши, как будто ничего не видит, – только из усов кольца вьет.

Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к чему у них приноровлено для военных обстоятельств: буреметры[118] морские, мерблюзьи[119] мантоны[120] пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли[121].

Государь на все это радуется, все кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию[122], что для него все ничего не значит.

Государь говорит:

– Как это возможно – отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничто не удивительно?

А Платов отвечает:

– Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и дванадесять язык прогнали[123].

Государь говорит:

– Это безрассудок[124].

Платов отвечает:

– Не знаю, к чему отнести, но спорить не смею и должен молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчас подвели его к самому Аболону полведерскому и берут у того из одной руки Мортимерово[125] ружье, а из другой пистолю[126].

– Вот, – говорят, – какая у нас производительность, – и подают ружье.

Государь на Мортимерово ружье посмотрел спокойно, потому что у него в Царском Селе такие есть, а они потом дают ему пистолю и говорят:

– Это пистоля неизвестного, неподражаемого мастерства – ее наш адмирал у разбойничьего атамана в Канделабрии[127] из-за пояса выдернул.

Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может.

Взахался ужасно.

– Ах, ах, ах, – говорит, – как это так… как это даже можно так тонко сделать! – И к Платову по-русски оборачивается и говорит: – Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сразу же благородным бы сделал[128].

А Платов на эти слова в ту же минуту опустил правую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда ружейную отвертку. Англичане говорят: «Это не отворяется», а он, внимания не обращая, ну замок ковырять. Повернул раз, повернул два – замок и вынулся. Платов показывает государю собачку, а там на самом сугибе сделана русская надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Англичане удивляются и друг дружку поталкивают:

– Ох-де, мы маху дали!

А государь Платову грустно говорит:

– Зачем ты их очень сконфузил, мне их теперь очень жалко. Поедем.

Сели опять в ту же двухсестную карету и поехали, и государь в этот день на бале был, а Платов еще больший стакан кислярки выдушил и спал крепким сном казачьим.

Было ему и радостно, что англичан оконфузил, а тульского мастера на точку вида поставил, но было и досадно: зачем под такой случай государь англичан сожалел!

«Через что это государь огорчился? – подумал Платов, – совсем того не понимаю», – и в таком рассуждении он два раза вставал, крестился и водку пил, пока насильно на себя крепкий сон навел.

А англичане в это же самое время тоже не спали, потому что и им завертело. Пока государь на бале веселился, они ему такое новое удивление подстроили, что у Платова всю фантазию отняли.

Глава третья

На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит:

– Пусть сейчас заложат двухсестную карету, и поедем в новые кунсткамеры смотреть.

Платов даже осмелился доложить, что не довольно ли, мол, чужеземные продукты смотреть и не лучше ли к себе в Россию собираться, но государь говорит:

– Нет, я еще желаю другие новости видеть: мне хвалили, как у них первый сорт сахар делают.

Поехали.

Англичане все государю показывают: какие у них разные первые сорта, а Платов смотрел, смотрел да вдруг говорит:

– А покажите-ка нам ваших заводов сахар *молво*?[129] А англичане и не знают, что это такое *молво*. Перешептываются, перемигиваются, твердят друг дружке: «Молво, молво», а понять не могут, что это у нас такой сахар делается, и должны сознаться, что у них все сахара есть, а «молва» нет.

Платов говорит:

– Ну, так и нечем хвастаться. Приезжайте к нам, мы вас напоим чаем с настоящим молво Бобринского завода.

А государь его за рукав дернул и тихо сказал:

– Пожалуйста, не порть мне политики.

Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни и нимфозории[130], начиная с самой огромнейшей египетской керамиды[131] до закожной блохи, которую глазам видеть невозможно, а угрызение ее между кожей и телом.

Государь поехал.

Осмотрели керамиды и всякие чучелы и выходят вон, а Платов думает себе: «Вот, слава Богу, все благополучно: государь ничему не удивляется».

Но только пришли в самую последнюю комнату, а тут стоят их рабочие в тужурных жилетках и в фартуках и держат поднос, на котором ничего нет.

Государь вдруг и удивился, что ему подают пустой поднос.

– Что это такое значит? – спрашивает; а аглицкие мастера отвечают:

– Это вашему величеству наше покорное поднесение.

– Что же это?

– А вот, – говорят, – изволите видеть сориночку?

Государь посмотрел и видит: точно, лежит на серебряном подносе самая крошечная соринка.

Работники говорят:

– Извольте пальчик послюнить и ее на ладошку взять.

– На что же мне эта соринка?

– Это, – отвечают, – не соринка, а нимфозория.

– Живая она?

– Никак нет, – отвечают, – не живая, а из чистой из аглицкой стали в изображении блохи нами выкована, и в середине в ней завод и пружина. Извольте ключиком повернуть: она сейчас начнет дансе[132] танцевать.

Государь залюбопытствовал и спрашивает:

– А где же ключик?

А англичане говорят:

– Здесь и ключ перед вашими очами.

– Отчего же, – государь говорит, – я его не вижу?

– Потому что, – отвечают, – что это надо в мелкоскоп[133].

Подали мелкоскоп, и государь увидел, что возле блохи действительно на подносе ключик лежит.

– Извольте, – говорят, – взять ее на ладошечку – у нее в пузичке золотая дырка, а ключ семь поворотов имеет, и тогда она пойдет дансе…

Насилу государь этот ключ ухватил и насилу его мог в щепотке удержать, а в другую щепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое дансе и две верояции[134] в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кавриль[135] станцевала.

Государь сразу же велел англичанам миллион дать, какими сами захотят деньгами, – хотят серебряными пятачками, хотят мелкими ассигнациями.

Англичане попросили, чтобы им серебром отпустили, потому что в бумажках они толку не знают; а потом сейчас и другую свою хитрость показали: блоху в дар подали, а футляра на нее не принесли; без футляра же ни ее, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются и в сору их так и выбросят. А футляр на нее у них сделан из цельного брильянтового ореха – и ей местечко в середине выдавлено. Этого они не подали, потому что футляр, говорят, будто казенный, а у них насчет казенного строго, хоть и для государя – нельзя жертвовать.

Платов было очень рассердился, потому что говорит:

– Для чего такое мошенничество! Дар сделали и миллион за то получили, и все еще недостаточно! Футляр, – говорит, – всегда при всякой вещи принадлежит.

Но государь говорит:

– Оставь, пожалуйста, это не твое дело – не порть мне политики. У них свой обычай. – И спрашивает: – Сколько тот орех стоит, в котором блоха вместится?

Англичане положили за это еще пять тысяч.

Государь Александр Павлович сказал: «Выплатить», а сам спустил блошку в этот орешек, а с нею вместе и ключик, а чтобы не потерять самый орех, опустил его в свою золотую табакерку, а табакерку велел положить в свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана перламутром и рыбьей костью. Аглицких же мастеров государь с честью отпустил и сказал им: «Вы есть первые мастера на всем свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут».

Те остались этим очень довольны, а Платов ничего против слов государя произнести не мог. Только взял мелкоскоп да, ничего не говоря, себе в карман спустил, потому что «он сюда же, – говорит, – принадлежит, а денег вы у нас и без того много взяли».

Государь этого не знал до самого приезда в Россию, а уехали они скоро, потому что у государя от военных дел сделалась меланхолия и он захотел духовную исповедь иметь в Таганроге у попа Федота[136]. Дорогой у них с Платовым очень мало приятного разговора было, потому они совсем разных мыслей сделались: государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве, а Платов доводил, что и наши на что взглянут – все могут сделать, но только им полезного ученья нет. И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на все другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем иной смысл.

Государь этого не хотел долго слушать, а Платов, видя это, не стал усиливаться. Так они и ехали молча, только Платов на каждой станции выйдет и с досады квасной стакан водки выпьет, соленым бараночком закусит, закурит свою корешковую[137] трубку, в которую сразу целый фунт Жукова табаку[138] входило, а потом сядет и сидит рядом с царем в карете молча. Государь в одну сторону глядит, а Платов в другое окно чубук высунет и дымит на ветер. Так они и доехали до Петербурга, а к попу Федоту государь Платова уже совсем не взял.

– Ты, – говорит, – к духовной беседе невоздержен и так очень много куришь, что у меня от твоего дыму в голове копоть стоит.

Платов остался с обидою и лег дома на досадную укушетку[139], да так все лежал да покуривал Жуков табак без перестачи.

Глава четвертая

Удивительная блоха из аглицкой вороненой стали оставалась у Александра Павловича в шкатулке под рыбьей костью, пока он скончался в Таганроге, отдав ее попу Федоту, чтобы сдал после государыне, когда она успокоится. Императрица Елизавета Алексеевна посмотрела блохины верояции и усмехнулась, но заниматься ею не стала.

– Мое, – говорит, – теперь дело вдовье, и мне никакие забавы не обольстительны, – а вернувшись в Петербург, передала эту диковину со всеми другими драгоценностями в наследство новому государю.

Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе[140] его было смятение, но потом один раз стал пересматривать доставшуюся ему от брата шкатулку и достал из нее табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, и в нем нашел стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не действовала, а лежала смирно, как коченелая.

Государь посмотрел и удивился.

– Что это еще за пустяковина и к чему она тут у моего брата в таком сохранении!

Придворные хотели выбросить, но государь говорит:

– Нет, это что-нибудь значит.

Позвали от Аничкина моста из противной аптеки химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху, положил на язык и говорит: «Чувствую хлад, как от крепкого металла». А потом зубом ее слегка помял и объявил:

– Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозория, и она сотворена из металла, и работа эта не наша, не русская.

Государь велел сейчас разузнать: откуда это и что такое означает?

Бросились смотреть в дела и в списки, – но в делах ничего не записано. Стали того, другого спрашивать, – никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казак Платов был еще жив и даже все еще на своей досадной укушетке лежал и трубку курил. Он как услыхал, что во дворце такое беспокойство, сейчас с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к государю во всех орденах. Государь говорит:

– Что тебе, мужественный старик, от меня надобно?

А Платов отвечает:

– Мне, ваше величество, ничего для себя не надо, так как я пью-ем что хочу и всем доволен, а я, – говорит, – пришел

доложить насчет этой нимфозории, которую отыскали: это, – говорит, – так и так было, и вот как происходило при моих глазах в Англии, – и тут при ней есть ключик, а у меня есть их же мелкоскоп, в который можно его видеть, и сим ключом через пузико эту нимфозорию можно завести, и она будет скакать в каком угодно пространстве и в стороны верояции делать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платов говорит:

– Это, – говорит, – ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть ее русским пересмотрам в Туле или в Сестрорецке, – тогда еще Сестрорецк Сестербеком звали, – не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвозвышались.

Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову:

– Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю поверить. Мне эта коробочка все равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми ее с собою и больше на свою досадную укушетку не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию, и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что брат мой этой вещи удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают.

Глава пятая

Платов взял стальную блоху и, как поехал через Тулу на Дон, показал ее тульским оружейникам, слова государевы им передал, а потом спрашивает:

– Как нам теперь быть, православные?

Оружейники отвечают:

– Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуем и никогда его забыть не можем за то, что он на своих людей надеется, а как нам в настоящем случае быть, того мы в одну минуту сказать не можем, потому что аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против нее, – говорят, – надо взяться подумавши и с Божьим благословением. А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай к себе на тихий Дон, а нам

эту блошку оставь, как она есть, в футляре и в золотой царской табакерочке. Гуляй себе по Дону и заживляй раны, которые принял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать, – остановись и спосылай за нами: мы к той поре, Бог даст, что-нибудь придумаем.

Платов не совсем доволен был тем, что туляки так много времени требуют и притом не говорят ясно: что такое именно они надеются устроить. Спрашивал он их так и иначе и на все манеры с ними хитро по-донски заговаривал; но туляки ему в хитрости нимало не уступили, потому что имели они сразу же такой замысел, по которому не надеялись даже, чтобы и Платов им поверил, а хотели прямо свое смелое воображение исполнить, да тогда и отдать.

Говорят:

– Мы еще и сами не знаем, что учиним, а только будем на Бога надеяться, и авось слово царское ради нас в постыждении не будет.

Так и Платов умом виляет, и туляки тоже.

Платов вилял, вилял, да увидал, что туляка ему не перевилять, подал им табакерку с нимфозорией и говорит:

– Ну, нечего делать, пусть, – говорит, – будет по-вашему; я вас знаю, какие вы, ну, одначе, делать нечего, – я вам верю, но только смотрите, бриллиант чтобы не подменить и аглицкой тонкой работы не испортьте, да недолго возитесь, потому что я шибко езжу: двух недель не пройдет, как я с тихого Дона опять в Петербург поворочу, – тогда мне чтоб непременно было что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

– Тонкой работы, – говорят, – мы не повредим и бриллианта не обменим, а две недели нам времени довольно, а к тому случаю, когда назад возвратишься, будет тебе *что-нибудь* государеву великолепию достойное представить.

А *что именно*, этого так-таки и не сказали.

Глава шестая

Платов из Тулы уехал, а оружейники три человека, самые искусные из них, один косой левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны, попрощались с товарищами и с своими домашними да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съестного и скрылись из города.

Заметили за ними только то, что они пошли не в Московскую

заставу, а в противоположную, киевскую сторону, и думали, что они пошли в Киев почивающим угодникам поклониться или посоветовать там с кем-нибудь из живых святых мужей, всегда пребывающих в Киеве в изобилии.

Но это было только близко к истине, а не самая истина. Ни время, ни расстояние не дозволяли тульским мастерам сходить в три недели пешком в Киев да еще потом успеть сделать посрамительную для аглицкой нации работу. Лучше бы они могли сходить помолиться в Москву, до которой всего «два девяносто[141] верст», а святых угодников и там почивает немало. А в другую сторону, до Орла, такие же «два девяносто», да за Орел до Киева снова еще добрых пять сот верст. Этакого пути скоро не сделаешь, да и, сделавши его, не скоро отдохнешь – долго еще будут ноги остекливши и руки трястись.

Иным даже думалось, что мастера набахвалили перед Платовым, а потом как пообдумались, то и струсили и теперь совсем сбежали, унеся с собою и царскую золотую табакерку, и бриллиант, и наделавшую им хлопот аглицкую стальную блоху в футляре.

Однако такое предположение было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусных людей, на которых теперь почивала надежда нации.

Вопросы и задания

1. Вам, очевидно, уже стало ясно, что рассказ ведется от лица простого и не очень грамотного человека, причем такого человека, который очень тонко чувствует слово и часто просто вынужден незнакомое слово перекраивать так, чтобы оно было хоть немного понятным. Заметим, что он делает это с доброй усмешкой, с юмором. Попробуйте проследить за словарем его нововведений: вместо балдахин – валдахин, вместо Аполлон Бельведерский – Аболон полведерский, вместо микроскоп – мелкоскоп… В чем, на ваш взгляд, состоит принцип создания таких слов?

2. Только ли экспозиция представлена в первой главе? Какую роль играет в развитии сюжета столкновение двух позиций – Александра I и донского казака Платова? Какую роль в сюжете рассказа играет утверждение Александра I: «…как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся», с которым так активно не

согласен атаман Платов?

3. Прочитайте сказ полностью и ответьте на вопросы, связанные с развитием действия. Какую задачу поставил перед Платовым царь Николай I? Что туляки предложили Платову? Как они выполнили свое обещание? Почему их мастерство не сразу было оценено по достоинству? Как удивительные подковы на стальной блохе были восприняты англичанами? Как Левша познакомился с достижениями англичан и почему решил срочно вернуться на родину, невзирая на показания «буреметра»? Какое пари заключили «полушкипер» и Левша? Как окончилась жизнь талантливого Левши? О чем сказал он перед смертью?

4. Определите, какой эпизод можно считать кульминацией сказа и какой – развязкой.

⏩**1.** При чтении выписывайте из сказа слова, «изобретенные» автором. Можно создать словарик слов, характерных для сказа. Какую роль они сыграли в вашем читательском восприятии описания событий?

2. Какие элементы озорного фольклора находите вы в сказе, кроме забавно переделанных слов?

⏩⏩**1.** Почему даже самое, казалось бы, полезное соображение Левши о чистке ружей так и не было осуществлено? Что этому помешало?

2. Каким образом в этом произведении выражено патриотическое чувство автора?

3. Как тема народа и власти решается в этом сказе? Что объединяет горькие раздумья автора сказа с суждениями Некрасова в «Размышлении у парадного подъезда»?

4. Какова сатирическая направленность сказа? Кого обличает автор? Какие человеческие качества вызывают у автора негодование, а какие – недоумение?

5. Прочитайте в словаре учебника-хрестоматии определение сказа и докажите, что «Левша» относится к этому жанру.

notes

Примечания

1

Синкрети́ческий – целостный (нерасчлененный), сравни с синтетический – целостный (объединенный).

2

Дамаск – столица Сирии.

З

Пе́сенки подблю́дны – обрядовые песни, сопровождавшие святочное гадание с использованием блюда.

4

Оби́тель – здесь: место пребывания, обитания.

5

Паникади́ло – люстра со свечами или большой подсвечник в храме.

6

Фимиа́м – ароматический дым, используемый при богослужении.

7

Запо́на – завеса, покров.

8

Вотще́ – напрасно.

9

Пушкин отмечает годовщину в ссылке, в Михайловском.

10

Н. А. Корсаков – композитор, умер в 1820 году в Италии, где служил в российском посольстве.

11

Речь идет о Ф. Ф. Матюшкине (1799–1872), моряке, участвовавшем в трех кругосветных путешествиях.

12

Пущин И. И. (1798–1859), ближайший друг Пушкина по Лицею.

13

Горчаков А. М. (1798–1883) – первый ученик; сделал блестящую карьеру: получил звание государственного канцлера.

14

вещу́н перме́сских дев – то есть муз; имеется в виду А. А. Дельвиг (1798–1831), ближайший друг Пушкина.

15

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797–1846), друг Пушкина, декабрист.

16

Эпиграф взят А. С. Пушкиным из поэмы И. Ф. Богдановича «Душенька».

17

Серту́к (сюрту́к) – разновидность верхней мужской одежды.

18

Англома́ния – фанатичная любовь к английской культуре.

19

Зои́л – древнегреческий ритор, имя которого стало нарицательным; недоброжелательный, придирчивый, несправедливый критик.

20

Столонача́льник – чиновничья должность в канцелярии.

индивидуальность (*франц.*).

наше замечание остается в силе (*лат.*).

тубо, Сбогар, сюда… (*франц.*)

Мирска́я – общая.

25

Ба́ить – разговаривать.

26

Чекме́нь – верхняя мужская одежда у народов Кавказа: суконный полукафтан в талию со сборками сзади.

27

Дро́жки – легкая прогулочная коляска.

моя дорогая (*англ.*).

29

Кникс (кни́ксен) – неглубокое приседание – форма женского поклона.

30

Втýне – напрасно.

по-дурацки (*франц.*).

мадам де Помпадур (*франц.*).

33

Ломба́рд – учреждение для выдачи денег под залог имущества.

34

Ланка́стерская систе́ма – система обучения грамоте в кратчайшие сроки; названа по имени автора – Ланкастера.

35

Повесть Н. М. Карамзина.

36

Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

37

Оставьте же меня, сударь; вы с ума сошли? (*франц.*)

Изве́т – донос, наговор, клевета.

39

Подобостра́стие – льстивость, угодливость.

Тщесла́вились – хвалились, кичились.

41

Пору́чик – офицерский чин в русской армии.

42

Оста́льная – последняя.

43

Генера́л-аншéф – полный генерал, высший армейский чин.

44

Отъéзжее поле – поле, отведенное для охоты.

Стремя́нные – дворовые, готовящие лошадей к выезду.

Штаб-ле́карь – старший (полковой) врач.

47

Трави́ть – охотиться с собаками, протрави́ть – упустить зверя.

Фри́зовая – из грубого сукна.

Заседа́тель – здесь: служащий суда, помощник судьи.

50

Ку́пчая – документ на право владения имуществом.

51

Я́беда – донос; здесь: незаконное притязание.

52

Черни́льное пле́мя – чиновники.

53

Зе́мский судья́ – выборный судья, ведавший судебными делами дворян в уезде.

Па́че ча́яния – вопреки ожиданию.

Апелля́ция – обжалование судебного приговора.

56

Шпа́нские му́хи – укус этих насекомых вводит в организм возбуждающее едкое вещество (контаридин), что использовалось при лечении в XIX веке.

Смотри́тель – здесь: начальник почтовой станции.

Испра́вник – начальник уездной полиции.

59

Бельведе́р – круглая башенка на крыше дома.

60

Эпиграф из оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

61

Эпиграф к стихотворению взят из трагедии «Венцеслав» французского драматурга Ротру.

62

Херуви́м – ангел.

63

Мцы́ри – на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (*Примечание М. Ю. Лермонтова.*)

Призре́ть – дать кому-то приют и пропитание.

65

Черне́ц – монах.

Чадра́ – у мусульман: женское легкое покрывало, закрывающее лицо.

67

Инко́гнито – тайно, под чужим именем (*от лат.* incognitus – неизвестный).

68

Волтериа́нцы (вольтериа́нцы) – вольнодумцы, последователи французского философа Вольтера (1694–1778).

69

В эмпире́ях – в блаженстве.

70

Штанда́рт – флаг с гербом или полковое знамя в кавалерии.

партикуля́рном пла́тье – в штатском.

Нотúция – извещение.

Подоро́жная – дорожный паспорт.

Га́берсуп – овсяный суп.

Прогóн – плата за проезд.

Елистра́тишка – искаженное от «регистратор», коллежский регистратор (низший гражданский чин).

77

Щу́кин (двор) – петербургский рынок.

Картýз – здесь: плотный бумажный пакет.

Шерамы́жник – обманщик, плут.

80

Што́сы сре́зывать – выигрывать (*от нем.* Stoß – азартная карточная игра).

Подпустить туру́сы (на колесах) – присочинить что-либо, приврать.

Фри́штик – завтрак (*нем.* Frühstück).

83

Шантре́т – шатен.

Лабарда́н – балык из трески.

85

Выпонти́ровать – выиграть.

Забастова́ть – здесь: перестать увеличивать ставки.

Вояжиро́вка – путешествие (*от франц.* voyage).

понимаете ли (*франц.*).

89

«Женитьба Фигаро» – комедия Бомарше; «Роберт-Дьявол» – опера Мейербера; «Норма» – опера Беллини.

90

Барон Брамбеус – псевдоним писателя О. И. Сенковского; «Фрегат „Надежда“» – повесть А. А. Бестужева-Марлинского; «Московский телеграф» – журнал, издававшийся Н. Полевым.

91

Смирдин Александр Филиппович (1795–1857) – известный петербургский книгопродавец и издатель.

92

Цицерон Марк Тулий (106–43 гг. до н. э.) – римский политический деятель, оратор, славившийся своим красноречием.

93

Бонто́н – изысканность в обращении, светскость (*от франц.* bon ton – хороший тон).

94

Прика́з обще́ственного призре́ния – учреждение по делам благотворительности.

Сиде́лец – приказчик, продавец в лавке.

Присыкну́ться (обл.) – пристать, привязаться к кому-либо.

97

Кавале́рия – здесь: орденская лента, которую носили кавалеры высших орденов.

Амбре́ – благоухание (*франц.*).

Жуи́ровать – наслаждаться (*от франц.* jour).

100

Моветóн – здесь: неблаговоспитанный человек (*от франц.* mauvais ton – дурной тон).

101

Репримáнт – назидание, урок (*франц.* reprimande – выговор).

102

Прожектёр – любитель несбыточных проектов (прожéктов).

103

Пилигри́м – здесь: странник.

104

Мемуа́ры – литературное произведение о прошедших событиях, воспоминания.

105

Хро́ника – литературное произведение, содержащее последовательное изложение событий.

106

Ве́нский сове́т – имеется в виду Венский конгресс 1814–1815 гг., завершивший войны с Наполеоном и установивший новые границы в Европе.

107

Пла́тов Матвей Иванович (1751–1818) – граф, атаман донских казаков, генерал, герой Отечественной войны 1812 г., сопровождавший императора Александра I во время поездки в Лондон.

108

Цейга́уз (цейхга́уз) – военный вещевой склад.

109

Шаба́ш – здесь: конец.

110

Кунстка́мера – музей, собрание редкостей.

111

Грабова́тый – здесь: горбатый.

112

Бу́рка – казацкий длинный плащ-накидка без рукавов из войлока и козьей шерсти.

113

Скла́день – складная икона, написанная на двух или трех складывающихся створках.

Двухсе́стная – здесь: двухместная.

115

Бю́стры – здесь: люстры.

Валдахи́н – здесь: балдахин.

117

Аболо́н полведе́рский – искаженное от Аполлон Бельведерский – копия античной статуи, хранящейся в Риме.

118

Буреме́тр – здесь: барометр.

119

Мерблю́зьи – здесь: верблюжьи.

120

Мантóн – здесь: накидка.

121

Непромока́бли – здесь: непромокаемые плащи.

Ажида́ция – здесь: ожидание, выдержка.

123

Дванадеся́ть язы́к прогна́ли – двенадцать народов, входивших в армию Наполеона.

124

Безрассу́док – соединение слов «безрассудство» и «предрассудок».

125

Мортиме́рово – по имени Г. Мортимера, английского оружейника конца XVIII в.

126

Пистóля – пистолет.

127

Канделáбрия – здесь подразумевается: Калабрия – полуостров в Италии.

128

Благоро́дным бы сде́лал – пожаловал дворянство.

129

Сахар мо́лво – здесь: сахар, изготовленный на петербургском заводе Я. Мольво.

130

Нимфозо́рия – искаженное от «инфузория» (микробы).

131

Керами́да – искаженное от «пирамида».

Да́нсе – танец (*искажен. франц.*).

133

Мелкоско́п – искаженное от «микроскоп».

134

Вероя́ция – искаженное от «вариация».

135

Каври́ль – искаженное от «кадриль».

136

Поп Федо́т (Алексей Федотов-Чеховский) – священник таганрогской соборной церкви, у которого перед смертью исповедовался Александр I.

137

Корешко́вая – выточенная из корня.

138

Жу́ков таба́к – табак с петербургской фабрики В. Жукова.

139

Укуше́тка – искаженное от «кушетка».

140

При восхóде – при восхождении на престол, имеется в виду восстание на Сенатской площади в декабре 1825 г.

141

Два девяно́сто – сто восемьдесят.